

ЮНОСТЬ

9 770132 203600

№12/2020

16+

12

Журнал «Юность» 2020

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №12/2020

Редакция журнала «Юность»

2020

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №12/2020 / Литературно-художественный журнал — Редакция журнала «Юность», 2020 — (Журнал «Юность» 2020)

«Юность» – советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи. Выходит в Москве с 1955 года.

© Литературно-художественный
журнал, 2020

© Редакция журнала «Юность», 2020

Содержание

Новый год	6
Сергей Шаргунов	6
Таинственный магнит	6
Дмитрий Воденников	9
Новый год как предательство	9
Татьяна Соловьева	13
Праздник отложенного чуда	13
Валерия Крутова	17
Два чуда для елки	17
Машка	21
Сергей Кубрин	25
Настоящий президент	25
Сусанна Альперина	28
Декабристка	28
Алексей А. Шепелёв	33
Суперкот и Рождественское чудо	33
Ольга Харитонова	41
Идет солдат	41
Алена Ракитина	48
Пумакот	48
Арсений Гончуков	51
Ситцев край	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Журнал «Юность» № 12/2020

© С. Красаускас. 1962 г.

Обложка создана в рамках воркшопа от сооснователей дизайн-агентства «Труд» @trud_agency Светланы и Всеволода Выводцевых на творческой антишколе дизайна и архитектуры «Таврида»

Новый год

Сергей Шаргунов

Таинственный магнит О «юности», новогодней и бесконечной

Однажды вечером 31 декабря я выгуливал во дворе собаку. На тонком снегу с цоканьем отпечатывались когтистые лапы.

Где-то совсем близко раздался бешеный вой, и темноту разорвал цветастый фейерверк. Собака с силой рванулась, а я, сплеховав, не удержал поводок и побежал за ней, призывно крича, среди свиста, грохота и вспышек.

Бег оборвался возле подвала, в продох которого она умудрилась занырнуть, и теперь лаяла оттуда, беспомощно тыкаясь в отверстие мордой.

Вытащить или выманить ее было невозможно, найденный дворник ничем не помог, пришлось звонить спасателям. Я ждал их долго, всю новогоднюю ночь, длившуюся бесконечно,

наблюдая из мрака и холода девятиэтажный праздничный дом: перемигивание гирлянд, голубые зарницы телевизоров и просто яркий свет окон, блестевших, как облизанные леденцы.

Двор гудел и орал, снова жали в небо фейерверки, а я наборматывал Иве бессвязные слова успокоения.

Когда подвал вскрыли и осветили и мы бросились друг к другу, я обнаружил, в окружении чего она провела эту ночь. Это были пожухшие книги, может быть, оставшиеся от кого-то из жильцов. Отдельно стояла высокая стопка журналов. Я протянул руку и стал перебирать номера с узнаваемыми пестрыми обложками, с неизменной девушкой, чьи волосы из листьев, и именами тех молодых, которые успели стать старыми или уже ушли.

Мы брели под мелким рассветным снежком: освобожденная Ива, подвальная «Юность» – номеров пять под мышкой.

А теперь, лет пятнадцать спустя, пишу предновогодние слова в «Юности», которая продолжается.

Которая бесконечна.

Подозреваю, многим из читающих эти строки приходило в голову: скорее бы ты прошел, 2020-й. Уходи уже, сваливай, нестерпимый...

Дотянуть бы последние метры простреливаемой территории, плюхнуться в окопчик, припасть к новогоднему столу, под защиту хвойных крыл.

Загадывать – занятие нелепое. Такое уже бывало не раз, когда после трудного года кругом благословляли грядущий, а он-то и оказывался самым беспощадным.

И все же понадемся на снисхождение стихий и уж точно отнесемся с пониманием к тем, кто, вытесняя дурное и страшное, спешит очутиться в 21-м, еще пребывая в 20-м. Неслучайно в этом году по всему миру отмечен симптом радикального предпразднества: сильно заранее устанавливают елки, развешивают гирлянды, украшают витрины.

Пир как противовоидея чуме, будто бы за порогом, едва перешагнем все эти мандариновые корки и скользкие блески, все будет совершенно иначе.

Сколь многим хотелось бы, обернувшись в темноту, облегченно бросить: «Год ловил меня и не поймал».

Но и наивные радости, и смелые надежды, и хмельные смешки имеют горчащий привкус.

Горечь присутствует и в этом номере, хотя мы постарались сделать его светлым, летучим, местами легкомысленным.

Слишком велик помянник усопших, в том числе людей литературы...

Умерших по разным причинам, но в 2020-м.

Так, в марте умер Эдуард Лимонов, написавший свою первую и последнюю колонку для «Юности».

2020-й для журнала юбилейный, 65 лет. Не до торжеств, но хочется думать: за этот год осуществлено немало.

Стартовала премия журнала, и сильное жюри будет весь год отбирать лучшее в жанре малой прозы.

Премия, между прочим, имени Валентина Катаева, придумавшего «Юность» и ставшего ее первым главредом, человека, как мне кажется, таинственным магнитом своей судьбы притянувшего меня сюда.

Но сколько их, этих магнитов и поводырей...

Такса Ива, старушка, может быть, тогда ты понеслась молодой стрелой в тот подвал, потому что учуяла что-то по-настоящему важное?

Журнал в новом году собирается быть только ярче – во всем.

Нынешняя «Юность» – это обновленный внешний вид (сочетание традиции и современности), сайт, где и архивы (ничто не пропало, ни один номер за 65 лет не утрачен!), и новости,

и постоянные публикации того, что не всегда умещается на бумагу или выскакивает в сеть с пылу с жару. «Юность» – это знаковые писатели и львиная доля совсем юных, для которых здесь возникает родная среда. И специальные выпуски – то с премией «Лицей», то с литераторами из Сибири...

«Юность» – это читатели, оставшиеся нам верными во время испытаний, и новые, которых становится все больше.

Будем продолжать!

Пишу эти строки, а сам все еще вижу отпечатки когтей на тонком снегу под светлеющим небом, и несусь под мышкой новогоднюю находку – пестрые легендарные журналы, от которых веселее.

Дмитрий Воденников

Поэт, прозаик и эссеист. Родился в 1968 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института. В 2007 году в рамках фестиваля «Территория» избран королем поэтов. Был автором и ведущим программ о литературе на «Радио России» и радио «Культура»: «Записки неопита» «Своя колокольня» «Свободный вход» «Воскресная лапша» «Поэтический минимум». Автор множества книг стихов и прозы.

Новый год как предательство

Когда-то, давным-давно (будем считать, под Новый год), к советскому психологу и врачу пришел странный пациент. То есть, конечно, ничего странного в нем не было – дяденька и дяденька, – и даже просьба у него была обычная: проверить свою память. Все мы что-то с возрастом начинаем забывать. И вот тут как раз и начинается странность: дело в том, что память пациента работала ненормально, как бы в обратную сторону: он ничего не мог забыть. Ни одного воспоминания стереть он не мог.

Как такое может быть?

В своих бумагах доктор записал его как пациента Ш. По профессии Ш. был репортером в одной из газет и несколько раз уже привел в недоумение своего начальника, когда тот с утра раздавал своей команде задание, сообщая им, куда они должны пойти и что должны узнать. Никогда Ш. не воспользовался ручкой и бумагой. Просто запоминал это и мог все запомненное без запинки повторить.

Главный редактор несколько раз пытался поймать его на неточности, но всегда оказывался в проигрыше.

Тогда он заинтересовался этой странной особенностью своего подчиненного и стал задавать Ш. вопросы о его памяти, но тот высказал лишь недоумение: разве то, что он запомнил все, что ему было сказано, так необычно? Разве другие люди не делают то же самое? Тот факт, что он обладает какими-то особенностями памяти, отличающими его от других людей, оставался для него незамеченным.

Тут и выяснилось невозможное и огромное, как елка в детстве: у Ш. действительно память оказалась аномальной – он помнил все.

...У меня с памятью с детства было не слава богу: я забыл, что на конверте с пластинки Булата Окуджавы эта песня названа «Прощание с новогодней елкой». То, что все начиналось с синей кроны и малинового ствола, было неважно: мало ли какой текст начинается с описания природы. Такой природный параллелизм, или просто все начиналось на новогодней неделе. Я, только уже вырасти, как то же дерево, понял, что там, в песне, поется о елке. А мне в отрочестве казалось, что о женщине.

*Синяя крона, малиновый ствол,
звяканье ишиек зеленых.
Где-то по комнатам ветер протел:
там поздравляли влюбленных.
Где-то он старые струны задел —
тянется их переключка...
Вот и январь накатил-налетел,
бешеный, как электричка.*

Вот она входит, как Настасья Филипповна, и садится, нервная, у окна. Кто эти мужчины, что толпятся вокруг, что им надо (ясно, что им надо). Ей грустно, она балованная, но знает, что когда-нибудь все кончится.

Это как маленький Судный день: когда ангел ничего не забудет, когда ты будешь стоять перед ним, недавно умерший, а он откроет свою огромную белую снежную книгу.

*Мы в пух и прах наряжали тебя,
мы тебе верно служили.
Громко в картонные трубы трубя,
словно на подвиг спешили.
Даже поверилось где-то на миг
(знать, в простодушие сердечном):
женщины той очарованный лик
слит с твоим празднеством вечным.*

Почему я не понял, что женщины той очарованный лик – это просто о женщине, даже не другой, а вообще иной, не древесной породы? Это не Настасью Филипповну они обряжали в

прах и пух, а елку, дерево, минутную, недельную игрушку новогодних горожан. Это не про ту, резкую, гордую, иногда вздорную, женщину речь – это просто про ель. Метель, капель, постель. Ужель. (Если хочется чего-то пушкинского.) Это не женщину предали эти молодые повесы, не женщину, уже оплакавшую свое и знающую свой будущий удел, они отправили сперва вон из сердца и шутовского поклонения, а потом и в последний путь (чахотка, рак, истерическая склянка яда).

*В миг расставания, в час платежа,
в день увяданья недели
чем это стала ты нехороша?
Что они все, одурели?!
И утонченные, как соловьи, гордые,
как гренадеры, что же надежные
руки свои прячут твои кавалеры?*

Предали? Забыли? Полюбили других?

Где вы, мальчики прежней поры? На кого вы оставили ее? Почему никто не вышел вперед, не сказал: «Это не вас я целую, это все страдание в вашем лице я целую» – почему на ней никто не женился?

*Нет бы собраться им – время унять,
нет бы им всем – расстараться...
Но начинают колеса стучать:
как тяжело расставаться!
Но начинается вновь суета.
Время по-своему судит.
И в суете тебя сняли с креста,
и воскресенья не будет.*

Это самое страшное – в этой песне. Она все-таки что-то сделала с собой, убежала наверх, когда поняла, что все рухнуло, все пошло прахом (не тем, первым, игрушечным, в который обряжали, а настоящим, земным, пылью неудачи), что-то выкрикнула им в побледневшие лица (а у одного лицо судорогой прошло – но все равно не вышел вперед, не сказал: «Я буду с тобой, мне все равно, что их так много. Я все страдание в тебе люблю. Не отдам»).

Или наоборот: просто – без сцен – тихо увяла, сгорела. Платок, пятно крови, чахоточная грудь: где ваше веселье, мальчики?

(Они еще смущенно толпятся в дверях, потом по одному уходят.)

*Ель моя, Ель – уходящий олень,
зря ты, наверно, старалась:
женщины той осторожная тень
в хвое твоей затерялась!
Ель моя, Ель, словно Спас на Крови,
твой силуэт отдаленный,
будто бы след удивленной любви,
вспыхнувшей, неуголенной.*

И даже тут «ель моя, ель – уходящий олень» ничего мне, тому, отроческому, не подсказала. Ну опять вспомнил Окуджава про елку, закольцевал с началом, сюда же и олень, неожи-

данно выпрыгнувший, не считать же это за обращение. Вот где про нее, про героиню: «острожная тень» – а все прочее только для красоты и сравнения.

...Пациент ПТ, конечно бы, так этот текст не считал. Он бы все услышал правильно. Он все помнил и ничего не забывал.

Невропатолог, заинтересовавшийся его необычным случаем, сперва предложил Ш. ряд слов, потом ряд чисел, а затем и ряд букв, которые он медленно читал или показывал пациенту в письменном виде.

Ш. внимательно выслушивал или читал то, что ему предлагали, а потом в идеальном порядке воспроизводил все по памяти.

Это было похоже на новогодний фокус.

Когда задачу усложнили, и пациент закрыл глаза, и ему продиктовали ряд в 70 слов, а потом чисел, он все равно сделал паузу, мысленно проверил в памяти услышанное, а затем без ошибок снова воспроизвел весь этот длинный ряд. (Это как маленький Судный день: когда ангел ничего не забудет, когда ты будешь стоять перед ним, недавно умерший, а он откроет свою огромную белую снежную книгу.)

...Героиня моей песни Окуджавы (песни, которой никогда не было) тоже ничего не забыла. Предательство есть предательство, ненадежные руки гренадеров есть ненадежные: оставившие тебя руки, они разжимаются, и этого уже никогда не забыть.

И теперь, когда я наряжаю елку или вижу, как она стоит, наряженная, смешная, как любая невеста, я всегда думаю не о Новом годе, не о несбыточном, но обещанном новом счастье, а о предательстве – грядущем и не отменимом. С которым ничего нельзя поделать. И с которым, к слову сказать, никто ничего и не собирается делать.

Потому что мы уже, все тут решившие пообещать друг другу новое счастье, на это скорое будущее предательство заранее подписались.

Татьяна Соловьева

Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной российской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной». Старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета.

Праздник отложенного чуда

А еще – помните? Вас ведут за руку в цирк. Или зоопарк. Вот оно – наконец. А вам грустно. Заранее грустно, что оно наступило и через несколько часов вам уже станет нечего ждать.

Первое января в детстве было одним из самых грустных дней в году.

Радостное предвкушение, вскипавшее в ней в последнюю декаду декабря, внезапно гасло вскоре после двенадцатого удара часов, словно под ним резко выключали пламя газовой конфорки.

Заключительные дни года были полны радостными сюрпризами: то утренники в детском саду или школе, то купленная на развернутом рядом со школьным двором базаре елка – и снимаемые с антресолей темной комнаты игрушки в старой, потертой и запылившейся бордовой картонной коробке. Из-под чего была коробка, неведомо, известно только, что она была немецкая. В ней эти самые игрушки в свое время бабушка с дедушкой привезли из Германии, когда деда – военного фельдшера – перевели служить домой и семья с двумя детьми вернулась в Москву, в Малый Комсомольский переулок. Если хорошо присмотреться, на крышке можно было разглядеть почти стершийся рисунок и немецкие слова с точками над буквами, как у «ё», но пока они ее интересовали, языка она не знала, а когда начала учить, интерес к коробке уже был потерян. Ее всегда привлекали диакритики в разных языках – умлаут в немецком, трема во французском, псили в греческом – как будто какой-то другой ребенок, не она, решил рисовать скучный типографский шрифт.

Игрушки в коробке были разные: до моды на дизайнерские однотонные елки было еще очень далеко. Каждая игрушка завернута в газету – берешь в руки и не знаешь, что внутри, пока не развернешь пожелтевшую бумагу. А потом – радость узнавания, воспоминания, страх за сохранность. Целая коробка сюрпризов. Некоторые шары – тончайшего стекла, совсем неведомые. Как один из них – сине-фиолетовый – упал и рассыпался в тысячи искр, застрявших в щелях паркета, она помнит до сих пор, и до сих пор при воспоминании отчего-то испытывает щемящее чувство утраты: тонким немецким шаром разбилась маленькая, но важная часть ее детства. Кажется, именно в этот момент она впервые осознала, что значит «навсегда», когда уже ничего нельзя исправить. Игрушки. Серия маленьких чудес с главным чудом – макушечной звездой.

Первого января карета превращалась в тыкву, а елочные украшения – те самые, из коробки, – становились фальшивыми.

Как в России в Новый год всегда показывают «Иронию судьбы», так в Германии – короткометражку «Ужин на одного» (Dinner for one, также известную как «90-й день рождения»), В ней старая женщина и ее дворецкий устраивают званый ужин на несколько человек, которые давно уже умерли. Они собирались так каждый год в день ее рождения, их становилось все меньше, теперь – в свои 90 – осталась она одна с верным Джеймсом. Женщина ужинает и как ни в чем не бывало болтает со своими друзьями, роль каждого из которых по очереди играет дворецкий. Все сцены фильма предваряет обмен одними и теми же репликами:

– Та же процедура, что в прошлом году, мисс Софи?

– Та же процедура, что и в каждом году, Джеймс.

Та же процедура.

Ей было десять, когда родители перестали ставить елку. Но достаточно просто закрыть глаза, и – разрезание веревок на внесенном с балкона коконе, щепочки, крепящие ствол в крестовине, пыльная картонная коробка с игрушками, немецкая же электрическая гирлянда с имитацией свечей: «Та же процедура, что и в каждом году, Джеймс».

Еще несколько лет после того, как точно поняла, откуда берутся новогодние подарки, она отвечала родителям, что в Деда Мороза верит. Практического смысла эта ложь не имела никакого: подарок в любом случае был один (однако был всегда, даже в суровую первую половину 90-х, когда экономили на всем), и обман ничего в этом отношении не менял. Был у него другой, метафизический, смысл, не формулируемый, но интуитивно ощущаемый правильным: задержать для родителей время, когда она еще верит в чудо, и даже если они все уже про нее поняли, упорствовать в своей псевдовере. Семейная игра в поддавки: ребенок бережет для родителей драгоценное время собственного детства, родители радостно обманываются, что он еще хочет верить в сказку. На самом деле все уже всё понимают, но оттягивают момент того самого очередного «навсегда».

Лишенным практического смысла был еще один ритуал: когда подарок вдруг появлялся под елкой, замечался он, разумеется, сразу... И тем не менее она старательно делала вид, что ничего не видит, до тех пор, пока мама или папа не обратят на него ее внимание. Словно для радости обладания требовался какой-то условный сигнал, разрешение на счастье, без которого это самое счастье нелегитимно.

А дальше – у Золушки часы били двенадцать, ей в Новый год везло чуть больше, у нее были лишние час-полтора, пока не отправят спать. Ложилась она всегда с чувством усталости и легкой досады, что все уже позади, до дня рождения еще так долго, а Нового года ждать и вовсе целый год. Утром первого января ощущение это усиливалось, и день проходил в неприкаянных скитаниях по квартире в тщетных попытках себя чем-нибудь занять. И даже если по телевизору показывали что-то очень интересное (что тогда было скорее исключением, нежели правилом), это не приносило радости, а лишь множило внутреннюю пустоту и досаду: зачем ОНИ пытаются замаскировать тоску и бестолковость этого дня? Как в заезженном анекдоте про фальшивые елочные игрушки, которые в точности как настоящие, только не радуют. Первого января карета превращалась в тыкву, а елочные украшения – те самые, из коробки, – становились фальшивыми. Еда с черствых именин, правда, все еще оставалась вкусной – в течение года так не готовили, – но на настроение повлиять не могла.

Чувство, готовящее нас ко взрослой жизни: попытки имитировать радость и множество разнонаправленных усилий, уходящих в хлопок.

Кстати, о хлопках. В том же начале 90-х на Новый год вместе с бенгальскими огнями всегда зачем-то покупали хлопушки с сюрпризом. В новогоднюю ночь дело до них обычно не доходило, и хлопать их выходили во двор на следующий день. Хлопушки эти были лучшим символом первого января: многообещающая надпись про сюрприз и веселье на поверку таила в себе горстку тусклых конфетти из дешевой цветной бумаги и крошечное пластиковое нечто с едва угадываемыми очертаниями. Нечто было совершенно неприменимо, уродливо и ничего, кроме разочарования, не приносило. На некоторых станциях железной дороги ставят предупреждающие знаки для пассажиров: «Находиться в междупутье опасно». Первое января, формально будучи началом года, на деле и есть такое междупутье, день сонного морока.

Удивительное свойство: первый день нового года в детстве тянулся мучительно долго, но когда наступал вечер и надо было ложиться спать, казалось, что пролетел он стремительно. Пусто, маелтно и тоскливо.

А в ночь с первого на второе января, когда все спали, год от года вдруг случалось настоящее новогоднее чудо: тоска по прошедшему празднику куда-то волшебным образом исчезала, подарки снова начинали радовать, телепередачи – интересовать. Новогодняя радость, вчера надежно затаившаяся где-то, сегодня – пара-выра-за-себя – вдруг возвращалась, озираясь, ступая мягко и осторожно.

Жизнь возвращалась в привычную колею. Впереди были бабушкин день рождения и Рождество – праздники без детских подарков, но, в отличие от фальшивых елочных игрушек, настоящие, с тихим ощущением случившегося чуда.

Циничные журналисты делят информационные поводы на «тухнувшие», то есть те, которые надо отписывать стремительно – или уже не трогать, забыть, и «нетухнувшие». Среди нетухнувших есть циклические: которые вроде бы и устаревают, но стоит немножко подождать – и они снова актуальны. Пляжный сезон, первое сентября, Новый год. Время, когда можно достать слегка помятые листы из издательского портфеля и, освежив их парой новых идей и эмоций, снова взять в работу. Каждый из нас под Новый год – такой портфель с пожелтевшими листами: одни и те же ожидания, чувства, предвкушения, ритуалы, разбавленные парой главных эмоций от уходящего года. Ощущения, которые мы настолько хорошо знаем в себе, что достаем их с готовностью и ностальгией, осторожно сдувая годовую пыль, бережно, как хранимые с детства

елочные игрушки с антресоли, и еще даже не развернув газету, на ощупь, понимаем, какая из них у нас в руках.

«Та же процедура, что и в каждом году, Джеймс». Та же процедура.

Валерия Крутова

Родилась в 1988 году. Получила юридическое образование, работает специалистом по информационной безопасности. Участник 18-го и 19-го Форумов молодых писателей, организованных Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ.

Два чуда для елки

Отец сидел в потертом кресле, подперши подушкой поясницу, и сурово, из-под бровей смотрел на меня.

– Мы в детстве знаешь в чем на елку ходили? Мы ходили в костюмах зайцев и волков всяких. Полный утренник зверья и Дед Мороз со Снегурочкой – идеально. А сейчас что? Все супергерои, хоть мир спасай. Ни одного порядочного персонажа, а мир по-прежнему в жопе. Толку от этих Бэтменов?

– Папа, ну звери тоже не слишком-то человеческие, – улыбалась я.

– Ну так они хоть существуют. А супергерои эти – курам на смех. Комбинезон, плащ и трусы. Вот мои документы. – Он бросил взгляд на жену, мою маму, которая старательно подшивала новогодний костюм для внучки.

Подготовка к Новому году шла полным ходом.

– Пап, – прервал разговор семилетний Виталик, мой младший брат.

– Говори, сынок.

– Я не хочу быть супергероем.

– Вот же мёд на мое сердце, иди обниму.

– Я хочу быть расческой.

– Чего? Какой расческой. Что за расческой?!

– Обычной. Массажной.

В глубине комнаты протяжно вздохнула мама, которой придется шить костюм расчески для любимого сына, потому что в нашей семье все носят то, что хотят...

Виталик невозмутимо смотрел на отца, отец, не мигая, смотрел на внучку, мою дочь, играющую у него в ногах, а я выжидала время, чтобы задать гвоздь-вопрос этого вечера: «Почему именно расческой?!»

Через мгновение я отказалась от этой мысли, потому что отец сам нашел исчерпывающий ответ:

– А знаешь, ты прав. Расческа – это вещь! – Отец поднял указательный палец вверх. – И пока эти бесполезные супергерои пляшут за конфетки, она людей людьми из обезьян делает.

– Это ж труд делает? – не удержалась я.

– Труд уже свое сделал, теперь дело за расческой.

В углу снова застонала мама.

Мы с дочкой, четырехлетней Людой, приехали к родителям на новогодние каникулы. Моя мечта сбылась – целая неделя в теплом, уютном загородном доме. Родительском доме, где ранние подъемы всегда не по будильнику, а по желанию, потому что за окном мороз и поздний красочный рассвет. Его хочется фотографировать, снимать на видео и выставлять в социальные сети. В сетях, конечно же, никто не оценит всей его прелести, зато у меня останется подтверждение существования этого момента и меня в нем. И как люди жили раньше без возможности делиться своим миром с окружающими? С окружающим миром, бесконечно сравнивая его разновидности.

Утро в этом доме пахнет вечной глазуньей и тостами. Глазунью ест папа, вот сколько его знаю, столько и ест. А тосты ест Виталик, он макает их в молоко и кусает, вытянув шею так, чтобы молоко не капнуло на брюки или скатерть. С сегодняшнего дня в доме запахло еще и богомерзкими шпикачками, которые едим на завтрак мы с Людой.

– Лена, не понимаю, как ты можешь это есть, еще и ребенка кормить, – каждое утро будет вздыхать мама.

А я буду пожимать плечами и, подражая ее интонации, сокрушаться над зависимостью от глутаматов и отсутствием мозгов в «красивой голове».

Голова у меня красивая и умная. И одинокая. В день рождения Люды муж спустился на этаж ниже и отметил праздник с новой соседкой, которая купила квартиру на первом этаже перед самым Новым годом. Своего рода чудо, вообще. Эта квартира долго не продавалась. А та девушка буквально мимо проходила. Мы познакомились с ней в новогоднюю ночь, во дворе. Она пила розовое вино прямо из горлышка и держала в руках палку-салют. Говорила, что отмечает в одиночестве, но выглядела она такой счастливой, что я тоже захотела праздника в одиночестве. Ну и пожалуйста, следующий Новый год отмечала одна, ну как одна, с полугодовалой Людой на руках. Я держала ее на коленях и старательно зажимала ей уши, чтобы ребенок не испугался грохочущих фейерверков.

Ну а последующие праздники мы с Людой уже отмечали у моих родителей.

Потому что: раз – я продала квартиру в том доме и вернулась в родной город, где жили мои родители, два – ребенок подрастал, и в частном доме ему можно было дать больше свободы – воздуха, прогулок, сугробов и бабушко-дедушкиной любви.

В этом году Люда впервые собиралась на утренник. Она изъявила желание быть елочной игрушкой, и бабушка с радостью принялась за заказ. Ее швейный стол всегда стоял в гостиной, потому что мама с папой редко закрывались друг от друга в разных комнатах. Она шила, а он читал, изредка они поглядывали друг на друга и улыбались. Тридцать лет вот так – глядели молча друг на друга из разных углов и улыбались.

Мама завалила пространство вокруг серебристым тюлем, лентами, блестками, стеклярусом и бисером. А я, наблюдая, как в ее руках искрится будущий костюм моей дочери, втайне мечтала тоже стать елочной игрушкой и надеть еще хотя бы разочек какой-нибудь новогодний наряд и пуститься в пляс вокруг елки, держа за руку медведей, зайцев и других сказочных персонажей.

Но отец прав, в мире не осталось персонажей из сказок. Сплошь псевдогерои, спасающие псевдомир. Мир, превратившийся в картинку в социальных сетях, ну, в крайнем случае, в пятнадцатисекундное видео. Видео, которое лично я предпочитала бы смотреть без звука. Потому что многие вокруг меня выглядят гораздо достойнее, чем звучат.

Виталий будет расческой – костюм уже утвердили на семейном совете, придумали, где взять «щетину» и как прицепить к затылку. А на животе я предложила сделать зеркало. Виталику идея понравилась.

– Ко мне все девчонки на утреннике будут подходить и разглядывать себя, – довольно заявил он.

– А тебе не рановато девчонок клеить? – улыбулась я.

– Лена, не рановато. Надо практиковаться хорошенько, чтоб потом не попадать впросак, как теоретики.

Ух. Мама с папой посмотрели друг на друга, улыбулись, потом глянули на нас и снова погрузились в свои дела. Мама – в расческу, папа – в финансовые документы своей компании.

– Ты даже под Новый год не даешь себе отдыха? – не удержалась я.

– Доча, кто, если не я?

– Сейчас принято делегировать. Даже курсы такие есть, представляешь?

– Сейчас курсы даже как посра... ой, в общем, как кофе попить есть. Это не значит, что надо за этим бредом следить. В моей компании все занимаются своими делами. А я – своими.

– Это правильно. – согласилась я. И согласилась совершенно искренне.

– А у тебя на работе что?

– Все хорошо. Уволилась. Ушла на фриланс пока.

Деньги те же, свободы больше.

И это была правда. Мне стоило большого труда оставить офис и перейти на домашнюю работу. Нет, меня никто не заставлял, и коллектив абсолютно устраивал. Просто количество заказов на фрилансе росло, с ними рос доход, и я поняла, что надо решиться – либо туда, либо сюда. Иначе привет недосып, усталость и раздражительность.

Она каждое утро подходит к коллекции, выбирает себе любимчика на сегодня, кладет в карман и ходит с ним до вечера. Вечером ставит на место, а утром выбирает нового.

Первую неделю дома я никак не могла собраться, сконцентрироваться и отвлекаться на посторонние дела. Мне вдруг захотелось все чистить, мыть, выкидывать хлам и перебирать старые вещи. Я дотягивала заказы до критической отметки – до дедлайна – и писала их потом ночами. Через неделю я поприветствовала тех самых «недосып, раздражительность и усталость», а заодно и серо-зеленое лицо, красные глаза и непрерывно колотящееся от кофе сердце.

Так я научилась планировать время, устроила себе уютное рабочее место, купила крутую кофеварку, перестала терпеть глупое прозвище, которым меня одарили коллеги – Елка, – и отдала Люду в детский сад. Раньше дочка сидела с няней.

– Интересно, а чего не говорила? – Видно было, что папа напрягся.

Его всегда мучило то, что он может не заметить, что мне нужна помощь. Зря, я считаю. Я всегда с проблемами шла именно к нему. И продолжаю идти.

– Да ты знаешь, я как-то внутренне не заметила особых перемен. То есть я как бы не уходила никуда и так же работаю – та же специальность, те же проблемы с «самыми умными» заказчиками. Я вообще сейчас только осознала, что не рассказала вам про увольнение.

– А, ну ладно. – Папа успокоился и снова уткнулся в бумаги.

Люда в это время напихивала в его тапочки игрушки из киндер-сюрпризов. Из тех яиц, что продавались в девяностых, – с крутыми игрушками и коллекциями. Я собирала их и выставляла на стеклянном столике в холле. Под полкой с маминой косметикой. Они так там и стоят до сих пор. Стоят и вызывают у Люды просто какие-то волны восторга и радости. Она каждое утро подходит к коллекции, выбирает себе любимчика на сегодня, кладет в карман и ходит с ним до вечера. Вечером ставит на место, а утром выбирает нового.

– Вся в мать, – каждое утро смеется мама.

– И мать в мать, – смеюсь я в ответ, а папа нарочито недобро хмурится, подыгрывая нам.

На утренник, который организовали в компании отца, мы пошли всей семьей. Тридцать первого числа в одиннадцать часов. Мне кажется, идеальное время для утренника. Дети с утра подготовленные, получившие мощный заряд сказки, раньше засыпают в новогоднюю ночь, а еще – дольше верят в Деда Мороза.

Почему-то потерять веру в Снегурочку не так страшно, как в него. Признаться, где-то глубоко внутри я и сейчас верю в Деда Мороза, ежегодно жду от него подарков, прекрасно понимая при этом, что приоритет всегда останется за детьми. А их много. Так много, что одаривать верящих дылд вроде меня накладно.

Но, помимо подарков, есть еще и чудеса, на которые, собственно, я и рассчитываю.

Отношения с чудесами у меня взаимные – они любят в моей жизни случаться, а я люблю их приветствовать и принимать от всей души. Даже последнюю пачку молока в магазине я считаю настоящим чудом. Ведь до другого магазина идти далеко, а Люда кашу на воде есть не будет. Или вот еще: разве не чудо, что все мои заказчики дисциплинированно отправили задачи заблаговременно, тем самым дав мне возможность выполнить всю работу до Нового года и уехать к родителям аж на целую неделю. Я бы и тут поработать могла, но расслабиться и ничего не делать намного приятнее. О'кей-о'кей, история с бывшим мужем не в счет... Но и тут есть место чуду. Если бы не все это, я так и осталась бы далеко от родителей, в городе, где мне было грустно, скучно и одиноко.

В общем, давайте чудеса! Я здесь, вся по-домашнему уютная и спокойная, готова к переменам, чудесам и новому году с его новым счастьем.

Конечно, так не интересно. Счастливые истории должны случаться с кем-то, кто переживает что-то страшное в жизни. Для них уготован Новый год и все его события. Для всех, кто заблудился, запутался в себе и в жизни, кто очерствел душой – для них Новый год и его рождественская история. Чтобы увидеть ангелов прошлого, настоящего и будущего – и переосмыслить свое существование. И право на него.

Для всех, кто с печалью смотрел на витрины с едой, кто считал гроши, надеясь найти в разодранном кармане хоть крошку, если не еще одну копеечку, – им чудеса нужнее. Им нужнее голливудские герои с пачкой денег в пакете из-под бургеров. Для детей, которые засыпают с мыслями о родителях. Одни с мыслями, чтобы эти родители появились, а другие – с мыслями, чтобы уже имеющиеся папа с мамой их полюбили наконец и хоть один вечер не лупили почем зря.

Для них – чудеса.

А не для таких, как мы – счастливых и удовлетворенных своей жизнью. Сытых и любимых. Я даже мужчину не жду. Знаю, что однажды мы встретимся и все у нас будет хорошо. Смотреть в оба, подыскивать варианты – сейчас не хочу. А завтра будет видно.

И я с радостью отдам свое чудо тому, кому оно нужнее, втайне надеясь, что чудес хватит на всех. Что сама выдумала эту глупую дискриминацию по уровню счастья в крови. Сама стыжусь своего спокойствия, переживаю, что получила его незаслуженно в то время, пока другие получают оплеухи от жизни, сходят с ума или сводят с ума других.

Люда и Виталик, взявшись за руки, кружились вокруг пушистой искусственной елки, украшенной пластиковыми игрушками. Ее неправдоподобно зеленые «лапы» не опускались под тяжестью украшений, потому что пластик легче стекла. Это дома елка – благополучная. Украшенная игрушками со всего мира. Шоколадницей из небольшого швейцарского городка – в пышной юбке, развратно румяным лицом и горячим шоколадом на подносе. Исконно немецким хлопчиком, который, почему-то как брат, похож на швейцарскую деву. Запорошенные снегом избушки, младенцы, персонажи из любимых мультфильмов. Дома на нашей елке можно встретить сразу четыре поколения семьи и половину мира.

А здесь – пластиковое чудо в перьях, которое заслуживает своего маленького чуда.

Я вышла из здания и направилась в сторону торгового центра. У входа, как обычно, в последний день уходящего года гремела ярмарка. Среди множества пластиковых игрушек я наконец-то нашла набор – серебристые шарики и сосульки – шесть штук в наборе. Они стояли как десять коробок пластиковых, совершенно похожих на них. Они стояли намного больше, чем стояли.

Я вернулась на утренник и тихонько подошла к елке, чтобы украсить ее новыми шарами, папа покрутил у виска и одобрительно улыбнулся.

Моя дочь в костюме только что купленной мною елочной игрушки рассказывала Деду Морозу стишок. Только рассказывала на ухо и активно жестикулировала при этом. Не удивлюсь, если старик подарит ей сразу две конфеты, а не одну. И правда, Люда получила две конфеты из кармана Деда Мороза, куклу из мешка и сладкий набор в виде пряничного домика, взвизгнула, подпрыгнула и помчалась ко мне, с трудом удерживая все это добро, но не сбавляя скорость. Добежав до меня, она сунула одну конфету мне в карман, а вторую протянула и сказала:

– Мама, повесь ее на елку. А то ведь у *нее рта* нет, но конфетки и она любит.

И убежала.

Я повесила на елку ее личное второе за сегодня чудо и пошла искать Люду с Виталиком, чтобы собрать в обратный путь.

Машка

Пути, говорят, неисповедимы. И один такой я решила сократить или, как говорят, срезать через дворы, чтобы быстрее добраться к месту назначения.

– Тихо! Машка Иисуса рожает! – услышала я голос и обернулась.

– Что?! Опять?!

Две старушки в одинаковых серых пуховиках и в лохматых шерстяных платках поверх шапок стояли под окном первого этажа и старательно, но так, чтобы их не было заметно из квартиры, прислушивались к происходящему за стеклом. Даже на цыпочки приподнимались.

Не знаю, кто бы на моем месте поступил иначе, но я подошла к старушкам и шепнула:

– Что происходит?

– Подожди, дослушаем – потом расскажем, – шикнула на меня та, что полюбопытнее.

Вторая выглядела уставшей, видимо, действо и вправду было им уже не в новинку.

Она внимательно посмотрела на меня и спросила, прищурившись:

– А ты кто такая?

– Я в семьдесят второй дом иду. Квартиру купить хочу. В этом районе. Вот иду смотреть, – зачем-то отчиталась я.

– Вот и иди себе. Сюда заходи, в этот подъезд. – Старушка ласково пихнула меня в плечо и показала, куда идти. – Там Светка наша, Света Леонидна... Квартиру продает. Чего далеко ходить? В семействе алкаши одни живут.

Бабулька потеряла ко мне интерес, а я, словно под гипнозом, зашла в подъезд, поднялась на первый этаж и, под крики рожающей Иисуса Машки, нажала на звонок у двери своей будущей квартиры.

* * *

Светлана Леонидовна оказалась статной, я бы даже сказала, величавой пенсионеркой. Ну, не без лохматого платка на вешалке в коридоре, конечно же. Она радушно, словно и не удивилась вовсе, пригласила меня на кухню, где «вот-вот чайник подойдет». Чайник подошел как раз к тому времени, когда я уже без верхней одежды и с вымытыми лавандовым мылом руками вошла на кухню.

Старушка... Хотя, наверное, лучше ее называть «пожилая женщина», выставила на стол белоснежный фарфоровый чайник с синим корабликом, дрейфующим по волнам, две чашки из того же сервиза, розетку с вареньем и печенье.

– Знаете, я думала, квартиру выбирают как-то по-другому, – хихикнула я.

– Это другие по-другому выбирают. А я тебе свое намоленное место продаю, надо познакомиться. – Она протянула мне маленькую мельхиоровую ложку и тяжело опустилась на стул. – Меня внуки в деревню забирают. Вот ведь как бывает. Не старики внуков в деревню на лето или навсегда ждут, а наоборот. У меня двое их – внук и внучка. Продали все и в фермеры подались. Там, я тебе скажу, целая плантация. Любая донна Роза позавидует.

– А вы сами-то хотите?

– Хочу, конечно. Оно на земле всегда хорошо. Внуки под боком, правнуков мне выдадут на попечение и в свои поля пойдут. Чем плохо?

– У них и продукты свои небось. Чистые, – где-то даже глубоко в душе позавидовала я Светлане Леонидовне.

– Конечно, милая. Молоко, мясо, овощи. Соседи фрукты выращивают, клубника круглый год есть. Вот они и сказали: «Поехали, бабушка, к нам навсегда. Чего в городе выхлопами дышать». Еще знаешь, внук Артемий – такую бороду отрастил, рубашки в клетку носит – ну прям артист из сериала. А внучка – сестра-близнец его. Алиса – она и постройнела там, и окрепла так характером. Ух!

Светлана Леонидовна легко перескакивала с описания быта внуков на историю их родителей, потом возвращалась к квартире, буквально на пару слов. Затем пододвигала ко мне розетку с вареньем и обязательно уточняла, какого года малина и кто «своими собственными» руками ее собирал.

Рассказы были настолько занятыми, что я забыла о Машке и ее родах, списав все происходящее на совпадение имен. О кошке небось речь шла, а я и прицепилась.

– Что? – Такое ощущение, что я пропустила нечто важное.

Светлана Леонидовна уставилась на меня и выжидала ответа.

– Нравится квартира-то?

– Квартира, в которой подают такое чудо-варенье, не может не нравиться. – Самое интересное, что я даже не знала в тот момент, сколько комнат в квартире, каковы площадь и планировка, требуется ли ей ремонт...

– Ну так и бери.

Ну так и взяла. Нам потребовалось не больше месяца на улаживание всех бюрократических проволочек. И уже в середине декабря я въехала в свои пустые настоящие, но полные будущего апартаменты. Двухкомнатные.

Про Машку я узнала уже после заезда. Ближе к двадцатым числам декабря. Ею оказалась не кошка, а соседка через стенку.

Последний раз Машка показывалась соседям на глаза много лет назад. Тогда еще молодая, счастливая, полная сил и планов на будущее, она стрекозой пропевала лучшие годы своей жизни и меняла мужчин, что в то время вызывало массу пересудов.

Однажды Маша пропала на три месяца, а вернувшись, заперлась дома. Те соседи, что умудрились заметить ее возвращение, говорили, что вернулась девушка вся изуродованная. Ходили слухи, что Машу тогда увезли на дачу какие-то мерзавцы и долго издевались.

С тех пор Маша ни разу не вышла из квартиры, в которой окна навсегда завесили темными плотными шторами, двери открывали только по большой необходимости, а позднее для «особых» гостей. А еще из квартиры раздавались стоны, крики и странные запахи. Я сумела испытать все эти прелести соседства с Машей буквально в первые дни после заселения.

Маша вроде как после тех событий поехала кукушечкой, прости господи, и решила, что она та самая Мария, осознавшая весь ужас своего распутства и бесполезного существования, пришедшая к просветлению и готовности быть полезной этому миру. Черному, завязшему в пороках миру.

Маша решила, что она родит Иисуса. Кстати да, у девушки была мама, которая всячески поддерживала ее в этом решении и процессе.

Через некоторое время в квартиру Марии и ее матери начали ходить женщины в серых одеяниях, они крестились перед входом и юркали в приоткрывшуюся дверь. Эти гости приносили продукты, одежду, деньги, как я понимаю, потому что пару раз случались скандалы с перепуганными и возмущенными родственниками. Как мне рассказали, женщины переписывали на Марию свое имущество.

Честно говоря, я испугалась такого соседства. И чего мне в семьдесят второй дом не шлось? Зачем я путь сократить решила? Я с опаской поглядывала на темные окна соседей, когда возвращалась домой, и вздрагивала, когда слышала, что их дверь открывается, приветствуя новых верующих. Мама дорогая, двадцать первый век, а люди с ума сходят!

Рожала Машка без какой-либо системы. Я могла услышать приглушенные стоны и обрядовые песни днем, они могли разбудить меня ночью – стены-то картонные. Гости приходили уже после события – приходили славить малыша. Вот не знаю, какая женщина согласится из года в года, изо дня в день проходить все ужасы родов, – а я как-то отправилась с сестрой на партнерские, знаю, о чем говорю. Тут даже имитировать страшно.

– Да ты не вдавайся. Они в подъезде не гадают, как Василий-алкаш с третьего. И не курят. Та и ладно, пусть живут. Никому плохо не делают. Даже себе, – ответила как-то одна из тех самых судьбоносных старушек.

И я успокоилась. Главное ведь, чтобы человек не делал плохо себе, тогда и другим не достанется. И если Машка видит свое спасение в родах спасителя для всего остального мира, то разве ж можно ее в этом упрекнуть? Она не себя спасает. Она спасает тех, кто сделал плохо ей самой. Спасает через веру и уход от реальности. Надеюсь, она действительно хорошо себя чувствует, находясь в этом теле и в этом состоянии души.

Иногда дверь в квартиру все же открывалась. По ночам. Я тогда возвращалась с вечеринки и, поднявшись на наш пролет, вздрогнула. Дверь открыта, в конце длинного темного коридора висела лампада со свечкой, а рядом стояла тучная женщина в платке. Я не видела ее лица, я видела только уходящий в вечность длинный коридор. Уже потом я поняла, что сбоку и позади лампады висели зеркала. Женщина в платке стояла не шелохнувшись, и я не разобралась спиной ли, лицом ли...

* * *

– Эй, артистка!

Я часто виделась с двумя старушками. Они одевались потеплее и прогуливались по заснеженному двору, прерываясь лишь на обеденный сон и вечернее чаепитие.

– Да? Здравствуйте! – ответила я.

– Здравствуйте-здравствуйте. Ты домой идешь?

Я кивнула.

– На тогда, возьми. – Старушка протянула мне пакет. – Поставь у Машкиной двери. А то самой тяжело тащить. Помоги уж.

– Конечно! Поставить просто? Или постучать еще?

– Просто поставь. Они всегда видят. И всё. – Она махнула рукой и пошла в другую сторону.

В пакете были апельсины, конфеты и бутылка шампанского. Снизу лежало что-то еще, но копать мне было неудобно. Я поставила пакет у двери, стараясь погромче им шуршать, когда устраивала поудобнее, и ушла к себе. Закрыв дверь, я примкнула к глазку, однако увидела только руку, которая змейкой юркнула, схватила пакет и втащила его внутрь.

Я внимательно оглядела содержимое своих шкафчиков и холодильника, достала пачку печенья, компот, который прислала мама к Новому году, сложила все в самый шуршащий пакет из всех, что были дома, и отнесла к двери Машки.

Вернувшись домой, я поняла, что обычной тревоги нет и ощущение «не-в-своей-тарелке» прошло. Полупустые комнаты не вызвали раздражения, а старые обои не хотелось яростно сдирать до обломанных под корень ногтей. Мне нравились бра, оставшиеся от хозяйки. Нравились пузатые выключатели с язычком. С язычком и щелчком. Нравился вид за окном – заснеженная просторная улица. Второстепенная дорога и именно поэтому не слишком шумная. Эту дорогу даже чистили не каждую неделю, она была покрыта серым, кружевным от автомобильных шин узором. Я знала, что там, на местах белой поверхности, есть маленькие бежевые пятнышки, которые с детства вызывали у меня интерес. А самое интересное, что именно такая поверхность была скользкой и гладкой, своими бежевыми пятнами (автомобильные масла?) призывала нас, ребятню, на веселые покатушки. Главное, чтобы родители не поймали нас на этом деле.

Я глянула на зеленое платье, которое приготовила к празднику, на оливье, которое порубила к столу (мы с друзьями договорились, что каждый принесет с собой что-то вкусненькое и бутылку того, что пьет сам), на свой новый маникюр, укладку, которую сделала вот буквально час назад в салоне. Чтобы сделать ее, я записалась в салон три месяца назад. Я разглядывала себя, квартиру, продукты, удостоверилась, что красная икра на месте, а гирлянда на елке горит по требованию... и осталась дома.

Ровно в полночь я стояла в крошечной темноте, глядела в окно, пытаюсь насытиться счастьем, надеждами и радостью людей, встречающих новый год своей жизни.

Я улыбалась под стоны Машки, рожающей своего очередного Иисуса, и славila новый год, чокаясь бокалом, полным розового игристого, с уютным стеклянno-деревянным окном своего нового дома.

Сергей Кубрин

Родился в 1991 году в Пензенской области.

По образованию юрист работает следователем.

Публикации в толстых литературных журналах («Урал» «Волга» «Октябрь» «Сибирские огни»), автор книги «Между синим и зеленым» (2019), лауреат международной литературной премии «Радуга», финалист литературной премии «Лицей».

Настоящий президент

Бреус орал, как потерпевший.

– Ну вот куда ты, вот куда?

Он старательно крошил мыло, наводил пену. Весь такой правильный, как-никак дневальный, да еще накануне праздника. Комроты обещал, что будет им настоящий президент, заслужили вроде.

Одни возились с прожектором, вторые натягивали простыню. В каптерке стоял телевизор, но в каптерку нельзя даже в Новый год.

– Это вам не это, – сказал сержант Горбенко, – чего тут встали?

Разошлись по команде, рассыпались в горох и опять заступили на службу.

Рядовой Ципруш и рядовой Манвелян тащили елку, три метра над уровнем взлетки. Иголки уверенно сыпались, а сдача наряда катилась в дре-бень.

– Это еще откуда? Да вы вообще, что ли? – завывал уставший Бреус. – Я вам тут чего?

Манвелян виновато пожался, Ципруш махнул рукой, и только сержант Горбенко вступился.

– Шаг пореже! Я тебе иголки эти в жопу напихаю.

Бреус довольно рассмеялся, но сержант крикнул: «Хули лыбишься», и жизнь пошла прежним солдатским строем.

Служили второй месяц. Еще помнили запах гражданки, но уже свыклись с армейским «есть, так точно, никак нет». Каждый день – последний. Рота, подъем – рота, отбой; завтра будет завтра. Но сегодня все было иначе. Ждали вечера, как приказа.

– Говорят, не будет отбоя.

– Кто говорит?

– И подъема завтра не будет. Спи не хочу.

Опять крутились возле каптерки. Там в шкафах – все и сразу, невозможное и живое. В двадцатых числах пришло первое довольствие. С разрешения комроты затарились.

– Шире шаг, – громыхнул Горбенко и на зависть жадно зашелестел оберткой.

«С орехами», – подумал Ципруш.

«Птичье молоко», – представил Манвелян.

День сгущался вечером. Блестел центральный проход, звенели золотом гирлянды. По распоряжку отправились на ужин. Опять давали рыбу хек, никто не притронулся. Еще три часа. Ну ладно, четыре. С низкого кубанского неба валил скромный дождевой снег.

Капитан Калмыков торопился домой и вот уже шаркал по черному асфальту, чтобы ворваться и разорваться, выпить и закусить и обнять жену, конечно. А потом сказать – как есть, так и сказать. Все равно придется.

Десятой ротой он командовал третий год и каждый раз в новогоднюю ночь оставался на дежурстве: холостой и добрый. Но теперь женился, забылся, и армейская располагала заслуженно сменилась простым семейным бытом.

Стол он разобрал еще утром. Прямо с порога услышал и запах горбуши, и лимонного сока, и жареных мясных чего-то там. Жена потянулась, он расплылся, и никакого праздника не нужно – вот оно, счастье, без повода и причин.

– Ты сегодня вовремя, – усмехнулась, а Калмыков уже доставал бокалы.

Шампанское рано, а водочки чуть-чуть можно. Согреться, разогреться, заговорить. Бахнул соточку, и сразу еще. Хорошо-то как стало, господи.

Салатики, рулеты, маринованные огурцы – все как любит, лишь бы знал. Ходила туда и сюда, еще в халате, вся в мыле, без прически, но все равно – боже мой. Тоже молчала. Расскажет сразу после – будет рад, хотели же, планировали. Она трогала живот, и улыбалась, и думала: мальчик или девочка – да без разницы, лишь бы (на выдохе) – ага.

За окном стреляли. Цветное крошево вперемишку с темнотой, и звезды – большие и глазастые – смотрели на эту красоту.

Приготовилась и вышла: платье в пол – новое. Брошку нацепила и сережки – дарил и одаривал. Калмыков не охнул, сдержался, но расцвел и обнял ее крепко и легко одновременно, как может только любящий муж.

– Ты давай-давай, – кивала, – ешь, чего смотришь.

Он ел и выпивал, она тоже: фрукты и овощи, картошечки немного, с вином временила – может быть, сам догадается.

Вдвоем хорошо, и дома – тоже. На пятой рюмке развезло. Краснющий, он откинулся на спинку дивана и запыхтел. В глазах мишура, огни и песни. До курантов – целая вечность, а он

– готов. Если пьяный, значит, не считается, как ни крути. Сел ближе, руку на талию, все дела. Лучше сейчас, чем потом: ожидание – хуже смерти.

– Такое дело, – сказал, – ты только не ругайся.

Калмыков посмотрел на нее. Кажется, все поняла. Жену офицера не проведешь.

– Только не говори, что опять, – и впрямь поняла.

– Да-да, – задакал, – это последний раз, но сейчас прямо нужно, больше некому. На месяц всего или на два – как пойдет. Но я постараюсь. Ну, нормально же все, правда?

Встала и ушла, закрылась в комнате. Очередную командировку она могла, конечно, вынести, но чтобы так скоро – только с одной справилась, а теперь другая. А если там чего, а у нее ребенок, и вообще, разве можно так.

Он стоял возле двери и слушал. Приоткрыл: сказала – уходи. Вернулся в кухню, налил коньяка, лимон брызнул.

Приближался Новый год, а ничего не менялось. Никакого праздника, вечный нескончаемый долг.

Минут за сорок до – накинуд бушлат, поправил шапку, и мокрый снег расцеловал его грубое капитанское лицо.

– Отставить радость, – рычал сержант Горбенко, – рано, ра-но!

По слогам и в точку.

– Ну одну конфеточку, ну, товарищ сержант.

На центральном проходе выставили столы. Ленкомната опустела, в каптерке больше ничего. Каждому по два, сержантам – четыре. Бутылки с газировкой в стройном ряду, сладости в пластиковых тарелках.

– Бреусу не наливать, – хохотали солдаты.

Ждали и дожидаться не могли. Горбенко обозначил: как появится – сразу сядем, а то сожрете все, как и не было. Президент не появлялся, хоть луч прожектора широко светил на белойстираной простыне.

Зато Калмыков появился.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – протаранил дежурный по роте.

Товарищ капитан дернул головой. Горбенко подорвался и проследовал за ним в служебный кабинет.

Солдаты шептались и не решались. Мандарины смотрели на них спело и сочно. Команды не было, никого не было.

– Может, по одному хотя бы? – предложил Манвелян.

– Да хрен знает, – размышлял Ципруш.

Молчали, думали, боялись.

Сержант Горбенко, матерясь неслышно, вышел на взлетку и прогремел, как в последний раз:

– Десятая рота! Построение на центральном проходе! Форма одежды – четыре. Рядовой Бреус, открыть оружейную комнату. Учебная тревога – нападение на штаб!

Вместо жестяных кружек зазвенели приклады, и тяжелый топот заглушил сторонний шум.

На белом-белом экране появился президент. Он что-то говорил, но никто его не слышал.

Сусанна Альперина

Писатель и журналист. Родилась и выросла в Одессе. Живет в Москве. Окончила журфак МГУ. Кандидат филологических наук. В свое время принимала участие в работе 20-й комнаты журнала «Юность» где получила награду «Золотое перо».

Декабристка

С 2001 года работает в «Российской газете». Рассказы публиковались в сборниках «Трава была зеленее, или Писатели о своем детстве» «Современная русская проза» «Маша минус Вася» и других. Продюсер и соавтор сценария документального фильма «INTO – нация большой Одессы». Программный директор Фестиваля экранизаций «Читка».

Декабристы – так называются мужья, которые уходят из семьи под Новый год. Декабристки – их жены. Большинство из них уже непохожи на тех декабристок, которые следовали за своими мужчинами на край света в неудобную для себя жизнь. Хотя, может быть, когда-то ими и были. Задача современных женщин, оставленных в декабре, – выжить.

...Тот год, в преддверии новой общей войны, ознаменовался большим количеством разводов. В России говорили, что снова во всем виноват Чубайс. Развод большого чиновника был

самым громким и подавал яркий пример другим мужьям. Они говорили: «Ну уж если Чубайс-то развелся...» и начинали смотреть по сторонам. Разводы были порой столь неожиданны, что одна из знакомых Анны сказала: не удивлюсь, если на всех испытывали новое психологическое оружие. Под его воздействием люди не могли жить в мире даже в собственной семье. Что уж говорить о странах.

Анну это утешало слабо. Она собралась помирать. В их семье женщины всегда сильно любили мужчин – гораздо больше, чем самих себя. Бабушка сошла с ума, когда умер дед, – ее не стало ровно через год после его смерти. Мама ушла совсем молодой, а отец так и не нашел ту, которая любила бы его так же беззаветно. Разводов в их роду не было – Анне пришлось пройти через этот ад первой. Без опыта поколений.

Жизнь потеряла смысл – ушел муж, которого она любила до какого-то безумного всепрощения. Вернулся – кинулась бы шею. Но муж – увы – не Дед Мороз, а Новый год нужно было встретить. И не одной! Потому что в поговорку «Как встретишь – так и проведешь» Анна верила с детства. Помереть можно и потом – хотя бы и в январе. А сейчас она вдруг внезапно осознала: традиции, распорядок дня и обязанности – то, что помогает пережить горе. Что ранее считалось рутиной – оказалось спасением. Привычные дела – «кочками» в страшном болоте. Она машинально шла-скрипела по снегу, чистила машину от снежных воротников по утрам, пришивала оторвавшиеся пуговицы к шубе, переставляла книжки на полках – по алфавиту, и ей удавалось забыться. Планирование встречи Нового года оказалось большой спасительной «кочкой».

Тем более что Дед Мороз пришел сам.

Он направлялся накануне праздника к соседской девочке. Шел со Снегурочкой, с подарками, а Анну встретил в лифте. И, видимо, понял, что этой повзрослевшей, беспомощной и растерянной «девочке» с глазами, полными горьких невыплаканных слез, нужен сейчас не меньше. Как предвестник чуда, как ниточка надежды, как близкий родственник. И, проследив, в какую она вошла квартиру, после того как поздравила, как положено, малышку, позвонил в эту дверь.

Анна не знала, какими подарками одарить этого Деда Мороза. Достала бутылку – а он не пьет. И Снегурочка покраснела, руками замахала – отказывается. Зато конфеты из выданного на работе подарка-угощения взяли. Положили в карманы – может, для детишек пригодятся. Работы-то еще на праздниках – невпроворот. Чаю попили, поговорили так – ни о чем, удалось даже улыбнуться. Сделали селфи, приобнявшись, – к пушистому нарядному деду приятно было прижаться, хоть на секунду. Тем более что после ухода мужа в декабрь Анна очень сильно ощущала нехватку тактильного общения. Погладить, поцеловать, приобнять, взъерошить волосы, положить голову на плечо. Даже когда они ссорились, все равно можно было это сделать – муж-то был рядом, никуда не девался. А как ушел... «Заведи себе плюшевого мишку», – посоветовала психолог, одинокая, запущенная женщина, к которой обращалась Анна. Психолог – ныне одиночка, когда-то была замужем целых четыре раза и, наверное, знала, что говорит. Но разве игрушечный холодный мишка выручит? А вот настоящий Дед Мороз за секунду уже и согрел.

Проводив его, Анна посмотрела в зеркало. Подумала о том, что, наверное, дети, становясь старше, перестают верить в Деда Мороза, но вот некоторые взрослые только начинают. В мелькнувшую внутри и тут же проявившуюся во всем надежду до конца не верилось. Но, как капелька живительного лекарства, она начала растекаться по всему телу, запустила невидимый «моторчик», и Анна начала оживать.

Первым делом начала искать компанию на новогоднюю ночь. Звонки, сообщения, чаты... Но как быть – многие друзья уже почти забыли, что с ней можно проводить время, – она, как клуша на птичьем дворе, все в семье да в семье. Чуть выйдет куда – тут же несется обратно – а как там мой: поел ли, поспал ли? Нальет ли без меня тарелку супа? Не забудет ли шарфик

повязать? Однако, оказалось, что парочка старых подруг будут рады ее видеть на праздник в своих семьях. Но готова ли она? Провести хотя бы вечер в чужой семейной жизни – наблюдать, воспринимать и, что самое горькое, – сравнивать. Оставшись одна, Анна вдруг поняла, что у нее обострилось чувство восприятия пар. Она словно видела насквозь все тайны их взаимоотношений – верны ли, искренни, хорошо ли им друг с другом или ради чего-то терпят и прикрываются. Прочитала как-то в Сети статью известной светской хроникерши под названием «Фасадный брак» – вначале улыбнулась, а потом задумалась. А есть ли фасадный развод? И что готова вытерпеть сама, чтобы не входить в ряды «женщин с глазами бассетов» – о таких, многотерпеливых, она прочитала уже в другой статье. Читала разного «психологического хвоста» много. Ей казалось, что она не уснет, если на ночь не спросит у интернета, как жить дальше. История поиска была в этом смысле однообразна – каждый вечер около полуночи горькое: «Что делать, если ушел муж», «ушел муж, вернется ли», «как пережить развод» и далее в том же духе. Видимо, у интернета об этом часто спрашивали и другие – все эти вопросы в строках поисковиков даже не нужно было допечатывать до конца. И вот как с такими настроением да к подругам в семьи? Если они счастливы – расстроится, несчастны – опечалится еще больше. Может быть, все же встретить Новый год одной? Или поехать куда-нибудь на Красную площадь, например. Но с кем там пить шампанское?

Чтобы развеяться и сосредоточиться, Анна погрузилась в Facebook – социальная сеть, наполненная предновогодними историями и картинками, в последние дни года служила ей утешением. И вдруг вечером за пару дней до праздника «битым стеклом» упало сообщение от друга детства Виктора.

«Я развожусь!» – писал он.

«Ты же только недавно женился?» – удивилась Анна.

«Только двое детей уже успели родиться», – хмыкнул Виктор.

Анна задумалась: в какой момент в ее сознании успели «спрессоваться» все годы? Казалось бы, недавно Виктор расстался с первой женой, оставив ее и сына-подростка. Нашел ту, что на 18 лет моложе, и с энтузиазмом начал новую жизнь. Один за другим родились двое карапузов, он строил дом, много работал... Сердце не выдержало столь сильного наплыва счастья и отреагировало инфарктом. Но Виктор справился. Ему было ради чего! И вот новая молодая жена оказалась неправильной декабристкой. Потому что под занавес года ушла именно она. В плане моральном. А в физическом – Виктору было указано на дверь.

Подробности раскрылись во время переписки, которая заняла практически всю ночь. Под утро, как только Анна прикорнула, будильником ворвался в новый день звонок подруги Леры. Она – бывшая жена олигарха – расстраивалась, что негде выгулять на Новый год новое платье стоимостью 30 тысяч долларов, которое подарил экс-муж. И тут в еще непроснувшейся голове Анны закружился танец мыслей, который можно было бы назвать «вальс одиночек». Она представила себе, сколько же у нее одиноких знакомых, с которыми они с мужем не очень-то и общались. И с каждым годом их становилось все больше – новая компьютерная жизнь к этому располагала. Идеальный партнер – тот, кто в состоянии оторвать тебя от компьютера. Даже соцсети стали путать с мужем, женой, любовниками, психотерапевтами и священниками, что уже говорить о других сайтах. Хочешь поговорить – войди в интернет. Нужно спросить – надиктуй вопрос голосовому помощнику. Пары перестали разговаривать. В их отношения вмешался третий – цифровой мир. Виртуальный брак, развод по СМС, секс в Skype. Новая реальность? Нормальность-ненормальность?

Дед Мороз звонит дважды. Второй раз под утро.

Когда даже уже не ждешь.

Когда еще Анна была замужем, то в гости они ходили в основном к семейным, их же приглашали к себе. Холостяков и холостячек, особенно женщин, не жаловали. Из-за них в

компании всегда проблемная ситуация. Жены ревнуют. Мужья проявляют ненужный интерес. Или наоборот. Зато сейчас, оказавшись в ситуации, когда самый живой звук в квартире – это тиканье часов-ходиков, Анна внезапно поняла, что будет делать. Она соберет у себя в опустевшей квартире на Новый год знакомых одиночек – тех, кому негде и не с кем. Обманутых, недолюбленных, неустроенных, растерянных – таких, как она сама.

Экс-жена олигарха, брошенный муж, маменькин сынок, интеллектуалка-писательница, завклубом талантов – саксофонист, исполнительница песен в стиле шансон, которые сама же и сочиняла... Компания собиралась быстро. К счастью, Анне хватило ума не приглашать в дом новых виртуальных знакомых из соцсетей. Правда, знакомых мужчин нужно было буквально упрасивать. Один боялся, что его непременно женят. Другой – как мама останется дома одна под бой курантов? Третий не знал, как уйти от жены. Да-да, экс-жена олигарха быстро притянула к себе нового друга, но... женатого. Дело клонилось к девичнику. Но поздно вечером 31 декабря вдруг все мужчины прибежали. Целых три. Причем торопливые, перебудораженные, тревожась и волнуясь, что не успеют. Встретить Новый год? Свою судьбу? Влюбиться?

Открывая гостям двери, Анна думала о том, почему всегда, всю жизнь из всех чудес на Новый год всегда так хочется именно одного – влюбиться? Каждый раз надеешься на какую-то неожиданную встречу, как в кино или в книжке. Когда все вокруг замирает, вы остаетесь вдвоем в целом мире, и только на вас направлен невидимый остальным свет. Только влюбляться в этом году хотя и хотелось, но не было сил. Зато очень был нужен рядом кто-то молчаливый, понимающий, почти родной...

Год начинался весело! Все кутили, веселились, пили, кулинаричили, прыгали, как дети, на бывшей супружеской двуспальной кровати, громко пели песни, музицировали, гадали, танцевали... Анна только и успевала себе напоминать, что такого веселого Нового года у нее не было уже много лет. Почти столько же, сколько она была замужем. Она удивлялась собственной смелости, что все это затеяла. Время от времени ей казалось, что это и не она вовсе, а кто-то сторонний устроил вечеринку «Вальс одиночек», а она лишь наблюдает теперь за происходящим. Она поражалась собственной смелости. Всегда считала себя робкой, каждое ее решение зависело от мужа. Как в музыке неустойчивые ноты, все ее мысли и затеи требовали разрешения. А сейчас – надо же. Какой декабрь! Может, и весь год будет таким же? Но Анна боялась загадывать наперед, и мысли ее эти смутили, поэтому она просто решила поддаться общему почти что детскому веселью. Словно разрешили сделать что-то запрещенное, невозможное, как в «празднике непослушания».

Часа в четыре уселись у «остывшего» телевизора почаевничать, и тут всех гостей провало. Им, одиночкам, оказывается, целый год было не с кем поговорить. А может быть, и больше, чем год. Годы! И все их истории почему-то нужно было уместить в одну новогоднюю ночь. Женатик чувствовал себя одиноким в браке. Он говорил, а Анна смотрела на него, невольно осуждая то, как он отзывался о своей вечно обманутой жене. Писательница рассказывала, что, несмотря на всенародное признание и невероятную популярность, очень хочет только одного. Родить ребенка. Но не от кого! И поэтому она остервенело делает ремонт, вкладывая все материнские чувства в новую – недавно купленную – двухэтажную квартиру. Экс-жена олигарха мечтала написать книгу, а для этого для начала нужно пойти на литературные курсы. Ей хотелось описать свой развод: как делился дом на Рублевке, как они с мужем натравливали друг на друга полицейских и кавказцев, по очереди их подкупая, и многое другое. Маменькин сынок жаловался на то, как мама испортила ему жизнь, и теперь новая молодая подруга не воспринимает его всерьез, говорит, что он с ней «отрабатывает» детство.

...Дед Мороз звонит дважды. Второй раз под утро. Когда даже уже не ждешь. Виктор работал всю новогоднюю ночь – приносил людям праздник. Профессиональный драматический артист. В серьезном классическом театре. Но как не побыть Дедом Морозом в самую елочную пору? Он появился, не снимая костюма и грима, и, с ходу оценив обстановку, басом упрек-

нул всю компанию: «Не у психотерапевта в группе находитесь!» И пошел веселить. Розыгрыши, хороводы, частушки! Ему читали стихи и пели песенки. Ходили вприсядку и танцевали за фанты – шоколадные конфеты. Загадывали желания! В какой-то момент Анна не выдержала – бросилась ему на шею. Теплый, уютный, немногословный, с детства родной. Ее словно накрыла какая-то вселенская благодать, и унеслись все беды-горести.

Позже, когда все уже разбрелись по комнатам спать, кроме женатика, который понесся в свою семью к «плохой» жене, Анна с Виктором засиделись на кухне. Он был уже в привычно-знакомом виде – свитере и джинсах – и тоже торопился выговориться. Рассказать, как беспокоится о детях – теперь у них будет новый папа, что не ожидал подвоха со стороны молодой жены и оформил на нее все имущество. Анна слушала его и думала о том, что чудо в эту новогоднюю ночь все же произошло. И пусть она не влюбилась и неожиданно никого не встретила. Она впервые после ухода мужа поверила в себя, в свою силу, в то, что рядом с ней – хорошие люди, которые ее не бросят. Она почувствовала: чудо можно сделать своими руками. И для себя, и для других – тех, которые в нем нуждаются не меньше. Чудо – не просто поехать за мужем в холодную, промозглую Сибирь, но и суметь выжить, когда в жизни наступают «окаменелость» и «вечная мерзлота». И она уже точно знала, что выживет.

Алексей А. Шепелёв

Родился в 1978 году. Прозаик, поэт, журналист, рок-музыкант, радиоведущий, автор нескольких книг стихов и крупной прозы. Лауреат премии «Нонконформизм» (2013), лауреат журнала «Север» (2009), Международной отметины имени Д. Бурлюка (2003), финалист премии «Дебют» (2002), премии Андрея Белого (2014), премии имени И. Анненского (2019), «Чистая книга» имени Ф. Абрамова (2019–2020).

Суперкот и Рождественское чудо

Как только мы переехали, пропал кот. Выпрыгнул в раскрытое окно и был таков.

Я обнаружил его пропажу часа через два и пошел искать.

В соседнем дворе с царственным видом он восседал на капоте машины. Увидев и услышав меня, он ретировался. Еще пару часов я, почти ложась на грязный и холодный осенний асфальт, высматривал и выкликал его из-под разных авто.

Это уж совсем было что-то странное. Не такого воспитания да вообще ментального и физического сложения этот кот, чтоб бегать от хозяина. Мы с ним, можно сказать, составляем одно целое...

Меня всегда едва ли не корбило от фраз типа, что такой-то Васька-кот, или тем паче Васька, полутораметровый слюнявый кобелина, или Моська, миниатюрная сучка в комбинезончике, – для нас, мол, как член семьи. Но данный конкретный кот уж настолько оказался уникален...

А тут уж какая досада была на самого себя, что я сам явился причиной потери своего собственного кота – и тем более такого! Сказать «умный» или «красивый» – ничего не сказать. Белые – белейшие! – носочки и перчаточки, белый нагрудничек и кончик носа, черные полосы на голове и загривке, что на твоём бурундуке, и будто в мультфильме нарисованные, ровнейшие полоски на лапах, и черепаховые пятна, и леопардовые, и «подведенные брови» (как у диких кошек, чтобы хищные птицы промазали клюнуть их в глаз); и главное – глаза: не желтые, не зеленые, а какого-то светло-прозрачного оттенка хаки, как раз в цветовой гармонии с фоновым мехом; а главное – их выражение. Сверхаристократичный и суперутонченный – если только вот так емко, но несколько неуклюже высказать. Абы что он не ест, никогда не сидит, как плебеи, под столом, глядя в рот, а тем более не лезет и не голосит, выпрашивая еду, не вьется. Никакими «кис-кис» его к миске не подзовешь. Его Величество просто появляется на кухне и выразительно заглядывает в глаза. Если ему что-то бросить – хоть бы и мясо, – не двинется: только посмотрит – с таким значением, *знанием* и укоризной, что немного не по себе становится. А говорят еще, что у животных нет души!..

Души, верно, нет, или она, как некоторые определяют, особая, животная, но характера и ума – хоть отбавляй. При хорошем настроении может начать юродствовать – облизывать у скатерти на столе бахрому или шуршащий пакет под столом: мол, вот чем я вынужден из-за вас пробавляться, а то и устроить шаривари – поскидывать (очень аккуратно!) с тумбочек сотовые телефоны и прочие мелкие предметы, стремглав носиться и т. и. Оно обозначает, что *котов юр одну* с радикально недоволен качеством еды или ее свежестью (холодильника у нас больше трех лет не было). А уж какого достоинства он преисполняется, когда возлежит у меня, читающего книгу, на груди, – ни в сказке сказать, ни пером описать!

И еще мне было жалко и досадно – каюсь! – что не успели мы с котом провести давно запланированную фотосессию, где были бы воочию явлены некоторые из его многочисленных достоинств и способностей. В одном интервью в качестве оформления присутствовала фотография, на которой я стою и держу кота в одной руке, взяв в кулак за все четыре лапы, – как букет цветов! Это же фото оказалось на задней обложке моей книжки повестей, про что мне пару раз говорили: «там, где ты с совой». Получил я по интернету и некие нарекания о том, что картинка сия сделана фотошопом и даже что ради нужного кадра, наверное, умучил бедную животину (это в контексте недавно имевшей место несуразной информобструкции Юрия Куклачева – мол, и еще один туда же). Не дрессировал я «бедную животину» – *аристократы*, понятно, этому совсем не поддаются! – а так, иногда занимался – для обоюдного развлечения, ведь голубокровному созданию тоже скучно целыми днями сидеть в однокомнатной квартире без дела, постоянно вздрагивая – не утрирую! – от вовканий и громыханий гастарбайтера. Да и сам он любит позировать (без преувеличения), правда, всей своей позой и умственным выражением выражая, что он, дескать, весьма мало одобряет происходящее вокруг вообще. В противовес нападкам я хотел опубликовать видеозапись «шоу-программы» или серию снимков. А теперь вот потерялся – и этих кадров никогда не снять. Да что «снять» или «не снять» – когда *свой* кот!..

Кстати, к улице надменно-артистический кот совсем не приучен (как мы ни пытались, все без толку), посему сразу теперь представляли, что долго ему там не протянуть. Благо начало зимы выдалось небывало теплым...

Промучившись часа полтора, кота я не поймал, – измокнув и озябнув, ушел домой. Написал жене, потом пошел искать опять. Она вернулась с работы поздно, и мы часов уж в одиннадцать вечера прочесывали окрестности. Вскоре сей котский кот был найден, но – опять – не

пойман! Заскочил в ближайшую отдушину подвала пятиэтажки и сидит, смотрит, высокомерно игнорируя все наши ксыксы-канья! Проигнорировал он и принос почти под нос «васьки»¹! Поведение совсем уж странное: необыкновенный наш питомец всегда был к нам сильно привязан, никогда не отходил и на шаг, не убегал от дома, даже когда раза три падал – и такое у него по молодости случалось – с балкона в Бронницах... Ко мне из-за писательской моей работы и кухонной безработности он уж прикипел настолько, что когда, например, я уезжал, кот сильно тосковал и ежедневно устраивал шаривари, так что Ане, чтоб его успокоить, приходилось давать ему трубку телефона, в которой звучали мои шипяще-свистящие «ксы-ксы» и «коть!..».

Надо сказать, что когда я в поисках кота лазил по всем подворотням до самого метро, меня захлестнуло острое осознание наконец-то свершившегося своего, нашего переезда в Москву – его, как писали в учебниках истории (да, наверное, еще и пишут и будут писать), причин и предпосылок.

Последние два года в Бронницах были во всех смыслах тяжелыми. Помимо множества проблем насущных (финансовый кризис, ударивший почему-то именно по нам), добивало и осознание, что Москва рядом, но ее, как тот локоток из пословицы, не достанешь и не укусишь. Всего лишь сорок верст – из-за пробок ставших почти непролазными, – и настоящая культурная пропасть, как будто и нет тут рядом никакой столицы...

Выражаясь привычными штампами, последней каплей, скорее всего, стал взрыв жилого дома в Бронницах – нескольких этажей обычной пятиэтажки, стоящей через дворик напротив нашей. Помню, как мы с женой, выйдя из центра города на набережную, увидели столб черного дыма, зловеще нависающий, будто смерч, над нашим Ист-Эндом... Мало того, сразу показалось: хлещет он из нашего дома! Пока бежали, вспомнили, что когда полчаса назад стояли на остановке, слышали звук взрыва – очень мощный, объемный, пожалуй, даже нельзя сказать, что *хлопок*, как обычно пишут журналисты. От эпицентра, оказалось, метров за триста. Мы тогда подумали, что, вероятно, это что-то связанное с самолетами (тут они в большом изобилии летают каждый день из соседнего Жуковского), даже подумалось, не боевой ли ракетой что сшибли (не так давно был случай – истребитель упал на жилой дом в пригороде Бронниц).

Неужели это *ответ?* – и ответ *мне?!*. Страшно подумать. Хотя, конечно, что мы вообще можем понимать в таинственной *неисповедимости путей*... Кажется, что в запредельной этой стихии наши умствования – как слезинки в океане... Но все же они есть: капают, тоже жидкие и соленые, впадают в мировую безбрежность...

И тогда же, увидев пожарище вблизи, я вдруг вспомнил еще одну вещь: совсем истерзавшись сомнениями, я дерзнул просить Господа подать *знак*. Продолжать ли здесь топтаться на месте, чего-то выжидая, или все же вопреки всему рвать когти в Москву. Неужели, терзался я уже дальше, узнав о жертвах, услышав о версии теракта, увидев, помимо прочего, осколки стекла, вонзившиеся в капустные кочаны соседнего частного сектора, и поняв, что именно в это время я обычно проходил там и в этот раз хотел идти, но передумал, и, что совсем неприлично для меня, поехал с женой на автобусе... Неужели это *ответ?* – и ответ *мне?!*. Страшно подумать. Хотя, конечно, что мы вообще можем понимать в таинственной *неисповедимости путей*... Кажется, что в запредельной этой стихии наши умствования – как слезинки в океане... Но все же они есть: капают, тоже жидкие и соленые, впадают в мировую безбрежность...

Подобрал слова – не так уж трудно. Жить трудней. Но нужно хотя бы направление правильное знать.

¹ Так по одной из марок корма – от которой, кстати говоря, сей свободолюбивый аристократ давно с брезгливостью отказался, – зовется у нас вся котиная еда.

Жить тогда в наших окрестностях – как это обычно бывает – стало страшновато (да от наплыва журналистов, разных служб и зевак суетно), а тут как раз сообщили через знакомых, что освободилась квартира у одной бабуся в Москве.

После взрыва я также не удержался и написал о нем статью «Антропология хаоса», в которой на примере нашего беднячко-бедняцкого Ист-Энда дал беглую зарисовку всей подноготной жизни в подмосковных городках. Не сказать, что в Бронницах широко читаются московские СМИ, но событие было резонансное, да и фамилия Шепелёв, оказалось, здесь не простая, а предвыборно-начальственная, привлекающая к себе внимание².

В общем, мы оттуда сорвались резко. И вот теперь сразу потеря кота – будто еще одно искушение, как еще один знак. Или наказание – даже примерно знаю, за что...

Еще одна проблема в том, что своеобразный наш котос не имеет никакого человеческого имени, наполненного огласовкой: мы призывали его только на близком расстоянии, полупшепотом, рассчитанным на особый слух животного: «Кот!..», «Коть...» (более официально Кошман). Наверное, испугался, или и вправду такое житье осточертело, пора на свободу... Подвал, куда он нырнул, был закрыт, и в двенадцать ночи нам его никто не откроет. Оставалось утешаться тем, что с этим «васькой» он хоть одну ночь нормально проживет, а завтра уж поймает.

Но на другой день кота нигде не было. «Может, это и не наш был кот?» – предположила Аня, ведь в темноте в подвале мало чего разглядишь. Я облазил все цоколи окрестных домов, ксыксыкал во все отдушины и оконца... Причем из одного на меня вылезла здоровенная собачатина, а из второй – ненамного лучшего вида... таджик! Обходил и мусорные баки, закоулки, спрашивал. Нигде никакого кошачьего не было и следа – ведь нет снега, и здесь, в отличие от Бронниц, где у каждого подъезда коты восседали целыми пачками, их что-то не видать вообще. Ходит только рано утром бабка да истерически выкрикивает: «Барсик, Барсик!», а вечером дед, который равнодушно покрикивает: «Вася, Вася!» – и коты у них, что ли, на поводке или шлейке, и все. (Поначалу мы даже гадали, не одно ли и то же это существо, но впоследствии с ними, с Васей и Барсиком, даже познакомились.) Ближе к мусоркам сидят все же кое-где по углам какие-то «полосатые тела» – и сразу подбегают на наши «кис-кис!» – аристократизма кот заплакал... У знакомых котэ столичный – мало того, что кастрирован и лишен когтей, так еще подзывают его с улицы своеобразным прозвищем Хомячок. И что: с радостью прибегает! Охальство, как выговаривают в деревне, да и только! Но кругом не деревня и не провинция – полно машин и настоящие толпы двуногих, как тут не напугаться...

Своего кота каждый день искали по несколько раз. У подвала, где в последний раз его видели, нашелся начальник и сторож – местная досужая тетка, которая по собственной инициативе зачем-то заделывала лаз вниз картонкой – с прорезью для кошек. По ее словам, там живут две, и раз в несколько дней она ставит им *под окошко* блюдце «корма» – какого-то недоеденного «Роллтона», – нашему баловню такое не снилось и в страшном сне! Да его тут и не водилось – и тетка недружелюбно утверждала, и сами ежедневно заглядывали.

Прошла неделя, затем вторая. Настроение наше, и так сильно ухудшавшееся само по себе из-за поисков работы и несообразностей мегаполиса, постоянно и неуклонно *ухудшалось еще хуже* – с каждым днем, с каждой ночью. Обычно кот спал на нас, переходя то на одного, то на другого... По ночам так и казалось, что голодный-холодный котик где-то мяучит, постоянно смотрели в окна... И вот однажды я встал в три часа и чуть ли не прямо под окном кухни увидел характерный сторбленный силуэт нашего Кошмана!..

Здесь надо сказать, что и наш питомец котенком был найден на улице в Бронницах. Поздно вечером и в сильный мороз он выскочил прямо под ноги идущей с работы Ане. Он бук-

² Даром что несколько лет мы, не задумываясь, с этой же фамилией работали в здешних СМИ: Аня вела новости и делала программу на ТВ, я был журналистом и редактором в немалого тиража еженедельных газетах. Помню, в первые годы я недоумевал, когда, выстояв всегдашнюю здоровенную очередь на почте или в банке, я подавал документы в окошко, меня встречали весьма грубовато, но как только бумажку раскрывали – тут же появлялись улыбки и непонятная вежливость!

важно скакал перед ней тем манером, коий позже стал у нас зваться «изображать горбункула» – на прямых лапах, спина дугой, глаза вытаращены, хвост распушен. И это не обычная реакция для устрашения, а нечто напускное, чем он потом еще долго пробавлялся. Уже не такой котенок, но молоденький. Потом при ближайшем осмотре оказалось, что котик горбатенький, у него что-то с позвонками. Приучен уже к корму этому дурацкому, «кошачью радость» путассу его вкушать-то не заставить иль кабачки тушеные – это уж нам, плебеям, достается... И еще что это кошка, а не кот. Но мы все равно его звали Кот, потому как это куда благозвучней, да и кошечки, все они какие-то... тонкие, пушистые, беременные... А *кот* – это звучит гордо, благородно! И вот что значит сила слова – Кошман наш, хоть ему эта роль не навязывалась, куда больше похож на кота, чем на кошку, но очень уж на благородного кота... Такая царственная поза, такой монументально-величественный взгляд – у кошки такого не может быть никак. Да и стал бы я с кошечкой валандаться!

Естественно, подлинными хозяевами подвалов и дворов были не чудаковатые тетки и бабки, а «наши друзья» гастарбайтеры. И когда я спрашивал у них, не видали ли они *кота*, они не понимали. Для тех, кто учит русский как иностранный, по дурацким школьным правилам словом «кошка» («кошки») обозначается весь вид, тогда как для русского человека куда как сподручнее сказать «кот», «коты», употребление же говорящим женского эквивалента свидетельствует о его педантичности и/или официозности, чаще всего присущей педагогам и руководителям. Для арбайтеров (в частности, нашего колченого с таратайкой и его друга) я, однако ж, перебрал весь арсенал синонимов, закончив весьма похожим на оригинал «мяу-мяу», и лишь тогда они ответили.

Едва накинув куртки, мы стремглав выскочили в ночи за котом. Он сразу стреканул в кусты к соседней пятиэтажке, и сколько мы его ни звали, не откликался, пропал. На другой день слышали характерные звуки кошачьей потасовки днем, опять выскочили из дома, опять увидели мельком своего кота – за ним гнался матерый местный. Завидев хозяев и спасаясь, Кошман задал деру по грязи – нам остались только следы. Местный же дворово-подвальный кошара, изрядно очерстевший и полинялый, на наши призывы преспокойно приблизился к нам, бери не хочу.

После этого пропал совсем. Проходил день за днем, на улице каждый день лил дождь. Очень плохо было без своего кота – так прошел месяц... Уже и выкликать его по окрестностям и подвальным дыркам было бессмысленно. Но я все равно, идя каждый день к метро и обратно или с Аней в магазин, призывал, приводя в секундное недоумение прохожих, своего котоса... Под окном вырыли котлован – не хуже платоновского. Выпал снег, начался новый год... Чего ждать, когда своеобразный сей суперкот никакой пищи от человека, типа рыбных хвостов, никогда не вкушал, признавая только определенные марки «васьки» да при случае чистое свежее мясо, да и то филейное, а при попытках прогулок у него уже на относительно холодое через пять минут краснели лапы и он их жалобно поджимал!.. Извращения цивилизации – что поделать...

Сходили даже на выставку породистых котят. Но как-то они совсем не те: самый дешевый стоит тыщи три, да это не кот, а какой-то плоскомордый котенок, которому как будто кувалдой сплющили все чу-рило. Пусть есть и довольно красивые, но все равно, подумали мы, за десять тысяч покупать кота, даже за три – это уж точно извращение! Кот должен сам завестись – он как бы дарован свыше (порой возникали подозрения, что, может быть, это и не кот вовсе, или не-совсем-кот, но иноагент каких-то высших сил...) – *свой кот*, живущий с нами, но сам по себе, натуральнейший кот – да какой! Стыдно и писать: котофей улыбочивый сказочный, кот лубочный казанский, усатый-полосатый и арбуз астраханский, вкруг покрытый изразцами, в узорочье весь, будто малахитовый, манул царственный вылитый!

Оставалось надеяться только на чудо. С тяжелым чувством я собрал и убрал котовы миски и лотки, но не выбросил...

И вот когда надежда почти полностью иссякла, произошло настоящее рождественское чудо. Мы шли в сочельник с Аней по обычному своему маршруту... Пейзаж, правда, окружал не рождественский, а как в середине апреля... И вдруг нам навстречу откуда-то выбегает кот – *наш кот!* Тут уж он не горбатился и не юродствовал, не изображал величия и благородства, даже не убежал, а как только его позвали, сам бросился к нам. Конечно, его было не узнать: тощий, грязный, весь подранный. Прошло ровно полтора месяца! Направлялся он, видно, на праздничный фуршет – к мусорным бакам...

Дома уже не водилось «васьки», и принцу-нищему были предложены дорогой праздничный сервелат и хлеб. С привычной брезгливостью Кот не прикоснулся. Вид поначалу был не царственный: весь набит песком и грязью, как мешок от пылесоса. Пришлось его второй раз в жизни искупать, местами прижечь зеленкой, к тому же думали, что он уж точно теперь скотный³. Оказалось, что, помимо некоей общей подранности, сломаны ребра (кто-нибудь дал пинка – что еще можно ожидать!) и торчит вывихнутый когтепалец на задней лапе – это в дополнение к грыже на брюхе, с которой он и был найден. Легко отделался!

Первые две недели вновь обретенная монаршая особа Кошман (он же Котий, Кошкай, Котос) был очень тихим и подчеркнуто благодарным, постоянно и помногу ел и особенно спал. Во сне он то тяжело вздыхал – прямо как человек! – то яростно улепетывал от врагов или хулиганов. Но вскоре вновь вернулся к своим барско-нобелеческим привычкам – будто и не было сорокапятидневного отсутствия! Где он пребывал и чем питался, как мы ни просили его рассказать или хотя бы написать (иногда он использует клавиатуру), гордец так и не поведал. Зато все же была осуществлена фотосъемка некоторых «упражнений с котом», хоть и по состоянию здоровья исполнителя довольно щадящая. Вот какой он, суперкот, спасибо, Господи, что он есть и что вернулся!

Фантазируя и соотнося рассказ с реакцией героя, мы поняли, что Кошман, с присущими ему мыслительными способностями, видя, что мы ему приносим корма *всего* по паре пакетиков в день, поддался соблазну отправиться «на вольные хлеба», к тому столичному раздолю, где эта «васька», по его представлениям, залегаёт целыми грудками – пакетиков и банок, и все бесплатно!.. Промыкавшись полдня без пищи, он наконец приблизился к одному из собратьев – местному прожженному котюре – и с наивной небрежностью осведомился: «Когда здесь дают “ваську”, сколько в одни лапы и какую именно – говядину с томатом или лосось с ягненком?..» После этого озверевший, пожизненно голодный драный абориген вцепился ему в нос.

Скорее всего, коту помогло выжить то, что он, изгоняемый местными, все же как-то затерся в подвал дома у мусорки (практически у метро, у будущего «Дикси»), где тоже некая бабуса выставляет котам блюда – спасибо и ей.

На окна, хоть это и неудобно при таких рамках, пришлось сделать сетки. Однако кот и сам их не рвет и никуда не порывается, совсем остепенился. Не нравится ему только шум и сигаретная вонь из форточки. Основное его занятие – отдыхать. Его назначение – *просто быть котом*, и больше никто ничего от него не требует. Закрывая лапами рот и нос, он безошибочно предсказывает погоду (вернее, непогоду). Сам кот – уже чудо, и даже пресловутые извращения цивилизации в его исполнении кажутся нам забавными, а меня так и наводят на полуиронические мысли и высказывания о некоем «пересмотре научных знаний»...

Не от нечего делать я все это расписываю – про кота вот, в дополнение к ежедневной «свистопляске гастарбайтеров» за окном... Психозомоциональное состояние у нас уже подчас было такое, что хоть волком вой, а тут все же что-то свое, домашнее, живое...

Так, я слышал, что кошки способны воспринимать лишь порядка шестидесяти кадров в секунду, тогда как наш стандарт изображения двадцать четыре кадра в секунду (тем более

³ Скотный – беременный, о кошке, овце и некоторых других животных. Когда прошли положенные три месяца, стало понятно, что «кот» не «окотится», что для обычной кошки, конечно, нонсенс.

мультфильм) будет для них дискретным. Наш же суперкотос не раз был застигнут за просмотром на компьютере именно мультфильмов, и особенно он пристрастен к «Тому и Джерри» – и выражение физиономии у него при этом зело неодобрительное. Других передач он вообще не признает, а по «лицу» Кошмана, повторяю, никак не скажешь, что он не понимает, что показывается! Иногда мы, придя домой в Бронницах, заставляли его за включенным телеприемником, который до нашего ухода был выключен (потом выяснилось: прыгая на шкаф, он нажимал лапами кнопки на панели), при этом кот его никогда не смотрел. А стоит включить мультики про муми-троллей...

Далее, кот так же осмысленно реагирует на разговоры и прочие бытовые перипетии – то есть он отлично улавливает эмоциональный фон, а такое ощущение, что и текст. Особенно он осмыслен и тоже как-то иронично-неодобрителен, когда мы с женой начинаем вести диалоги от его имени охрипшим голосом очерстевшего кота. Мало того, что он отзывается (когда захочет) – *взглядом!* – на все свои наименования: Кот, Котос, Кошман, – он еще морганием глаз отвечает на элементарные вопросы вроде «Ты кот?» или «“Ваську” хочешь?». Но это все ладно, тут, понятно, есть на что списать (звукоподражания, шипящие звуки в имени и проч.). Но вот ясно заявлено, что кошачьи не различают цветов... (Какой интерес тогда в мультики лупиться по целому часу?!) Отринув совсем дешевые марки «васьки», разборчивый питомец перешел исключительно на «Китекат» (причем был отмечен эпизодический интерес реципиента именно к телерекламе кошачьих консервов!), баночка или пакетик каковой марки, как известно, с зеленым фоном. Когда покупаются другие сорта, в точно таких же по размеру банках другого цвета, он манкирует. А когда был куплен «Д-р Клаудер» в банке светло-зеленого цвета, его суперкотство соизволили откусать! Тогда я в порядке эксперимента обрезаю упаковку с пакетика «Китеката» и наклеил ее на баночку другой марки – кот реагировал очень одобрительно (первичная реакция у него настроена на крапание отрываемой жестянки, а дальше уже на ее цвет) – ел, съел так несколько банок, но все неохотней... Мне кажется, он «признает» даже атрибутику – «китекатовские» блокнотики или магнетики, и уж, кроме всех потрясающих открытий, тут-то я понял, какому идиоту придет в голову поставить на свою почту в «Яндексе» оформление «Китекат»! (Кот очень одобрил, но я не стал ему потакать.)

Помимо этого, он отлично разработал передние лапы – постоянно пытается ими что-то теревить или брать. Стоять на задних лапах, вытянувшись, и наяривать о шкаф передними – это и хомячок какой-нибудь может (ну или Хомячок, хотя не так долго). Но сейчас он принялся разрабатывать моторику «рук»: почти всегда сидит, поджав одну белоснежную лапку (левую – он, видимо, левша), то растопырив «пальцы», то сжав, как бы поигрывая и протягивая ее... А то вообще минут по десять сидит, вытянув лапку, как будто постовой с жезлом, – наверное, пытаясь остановить непрерывный поток за окном! Но лапу не подает: что я вам, бобик, что ли, цирковой-плебейский?! Вот думаем: планшет бы коту-индиго надо купить – кто знает...

Мало того, что, присутствуя при диалогах на кухне, он стал осмысленно вертеть глазами за репликами или при звуках извне вперивать в каждого из хозяев недоуменный взор... Но более всего поразило нас, когда он... заговорил! При скудости средств иногда возникают конфликты: без холодильника уже немного постоявшую на окне «ваську» Кошман отрицает – и порой он выдерживает характер по целому дню: брезгливо понюхав миску, начинает с воплями носиться... А то и сидит как сиротинушка, едва ли не слезу пустит – ему по несколько раз терпеливо меняют содержимое миски (да и треклятый «Китекат» не всегда есть возможность захватить), но котик только стреляет глазами, а то и принимается за прежнее юродство. Как-то слышу с кухни такое экспрессивное окончание диалога (кот уж третий день не жрал): «Ешь, смотри, у тебя сколько навалено!» – «Нет!» – «Не нет, а да!...» И тут только мы с Аней поняли, что «нет» (пискливо-отчаявшимся голосом, вообще-то для него нехарактерным) в запале произнес Кошман, причем четко, не «мяу» там какое-то модифицированное, а именно протестное внятное человеческое (или все же кошачье) «нет!». Опять же – по-русски!

А вообще, после возвращения «оттуда», отдыхает он самозабвенно (такой уж стресс был для него этот выход на свободу в столице!) и абсолютно везде. Из-за малометражности пространства и круговой диорамы мельтешений и шума его можно обнаружить величественно возлежащим или мирно спящим в самых неожиданных укромных местах – в ванне или раковине. И, видимо, также не напрасно наш Кошман наиболее предпочтительным почитает взгромоздиться на самую высокую точку в доме – на бабкин шифоньер и книжную полку на нем – и оттуда спокойно и величественно взирать через окошко на прелести столицы, на бренный этот мир...

Ольга Харитонова

Родилась в 1988 году в Омске. Окончила аграрный и педагогический университеты. Сценарист анимации, прозаик, поэт, педагог-фрилансер. Член Союза литераторов РФ. Автор сборника эссе «Звуки, которые нас окликают», изданного на стипендию Министерства культуры и при поддержке Союза российских писателей. Ученица школы «Хороший текст».

Идет солдат

Чем быстрее приближалось 31 декабря, тем шустрее разгонялось мельтешение вокруг: проходы в магазинах были полны людей с нагруженными тележками, в парикмахерских круглый день виднелись остригаемые головы, за окнами домов – по обе стороны – появлялись гирлянды, елки.

Видела у знакомой в соцсети чек-лист: список дел, которые нужно проверить до 31 декабря, чтобы встретить Новый год без забот, он состоял сплошь из слов типа «помыть», «вычистить», «полить», «вытереть», «разобрать» и «выбросить»...

Вот что я, оказывается, делала все то время – готовилась к Новому году!

На самом деле, в конце декабря мой брат Валя возвращался из армии, все эти «вычистить», «вытереть», «выбросить» в нашем доме были ради него, и мне просто казалось, что все вокруг почему-то готовится к встрече моего брата.

Девушка, простите, вы кто?

Женщина, зачем вам елка?

Нет-нет, мужчина, мы не планируем это готовить!

Я набрела на спектакль «Как я съел собаку» Гришковца как раз накануне прихода Вали из армии. Это была та случайная, но такая уместная находка, которую смотришь, слушаешь, читаешь и удивляешься ее совпадению с твоей жизнью именно сейчас. В этом спектакле было неожиданно так много близких мне слов: Евгений говорит о себе, а я вижу Валу, Евгений говорит о далеком Владивостоке, а я вижу город службы брата – Питер, он про корабли, а я вспоминаю угловатые бэтээрки, в чужом городе мне виделся Омск, в чужой матери – моя мама.

Я останавливала долгую запись спектакля дважды и все никак не могла досмотреть до конца, вернуться вместе с героем Гришковца домой со службы.

И все время была одна и та же мысль, все время: «Я хочу домой!». «Я хочу домой», «я хочу домой», даже без «я», просто «хочу домой», «хочу домой», «хочу домой». Я хотел есть и хотел домой, хотел пить и хотел домой, хотел спать и хотел домой, я засыпал: «хочу домой», «хочу домой», просыпался: «хочу домой»... все очень хотели домой, все ребята очень хотели домой, они хотели даже в такие дома, куда хотеть невозможно, куда нельзя хотеть.

Но наш дом становился все чище, уютнее, мне стало казаться, что в него даже можно хотеть.

Валя не говорил нам, что скучает по дому, что хочет домой. Он не жаловался, рассказывал смешные случаи, о сложных ситуациях упоминал вскользь и никогда ничего не сообщал о страшных. Это было как в стихотворении Ивана Ахметьева «Миша в дурдоме».

Валя исхудал, часто простывал и кашлял, просил скинуть денег на поход в «Чайную», а остальное обещал – «дома».

И дома ждали.

Мама покупала и покупала посуду, не ведя никакого списка купленного, не имея никакого представления о количестве ожидаемых гостей: тарелки разной глубины и различного вида, стаканы прозрачные, стаканы с рисунками, кружки чайные... Она купила столько чайных кружек, словно ждала не только сына, но и всю его роту.

Мамино волнение то росло, то устало прижималось к земле, оборачивалось раздражительностью, бессонницей, шопоголизмом. Словно бы каждой покупкой она говорила себе: «Я жду, я готова. Готова. Готова!»

Сколько бы я ни убеждала маму купить продукты накануне, а не заранее, холодильник постепенно заполнился сыром, колбасой, замороженными куриными тушками, фруктами.

– Сейчас на них акция, надо брать. Осталась пара недель. Осталась неделя. В эту пятницу ведь уже! Было закуплено несколько связок бананов и несколько килограммов груш.

– Бананы еще зеленые, а груши выбрала самые плотные, камень! Долежат!

И они лежали. Все лежало, растолканное по шкафам и полкам.

Мы принесли от соседей большой стол-книжку советских времен, полированный, темный, со шкафчиками по бокам (у нас такой был свой когда-то, но потом поводы для прихода гостей стали поводами найти место встречи вне дома). Мне позволили добавить лампочек в люстре большой комнаты, чтобы стало на день светлее.

Мама еще летом купила новую большую скатерть, потом еще одну, потом еще – она не знала заранее, какого размера будет соседский стол, даже не знала еще тогда, у кого мы будем стол брать, и покупала на всякий в прямом смысле случай.

Но ни одна из купленных скатертей не подошла. Пришлось измерить стол и купить клеенку по метражу, чтобы точно.

Я отмыла кафель в ванной и туалете, оттерла старой зубной щеткой белые пластиковые плинтуса, папа закрыл пространство под ванной красивыми панелями... Мы еще хотели поменять выключатели на новые (старые перестали срабатывать с первого раза), но у папы к середине декабря разболелась нога, и старые выключатели остались с нами.

Папа не мог больше готовиться к приходу сына физически, но продолжил морально.

Оказывается, он написал настоящую застольную речь, в блокноте (столбиком), красной гелевой ручкой. Я узнала об этом, когда он показал мне ее текст, написанный его фирменными печатными буквами, и попросил ее подредактировать.

Папа хотел сказать в нужный момент что-то непременно сильное, потому что эмоции его были сильными, и выразить их в момент речи можно было как нельзя кстати. (В другой момент – сможешь ли, и будет ли этот момент, а тут взял рюмку, встал, и пути назад нет, ни у слушателей, ни у тебя.)

– Это чтобы не сбиться, чтобы не путались мысли.

А ты у нас писатель. А если по бумажке прочту, это как, ничего будет?

Я прочла, речь сводилась к тому, что брата забрали, мы ждали его и он вернулся. Как ждали, о чем думали, благодаря чему, каким качествам и способностям, как нам кажется, он вернулся – ничего этого в речи не было. Но ведь на самом деле было.

Речь была осторожной и официальной, в местах, где должны были проступить эмоции, она уходила в юмор и пафос.

*Год назад мы проводили
нашего
призывника
Служба в армии для молодого человека это серьезный
отрезок
его жизни требующий от него некоторых физических
способностей и морально-психологич. качеств
И надо эти способности
в себе найти и достать
их из глубин тела и коры головного мозга*

*С чем наш мол. человек
с успехом справился благо —
даря некоторым своим
способностям. И нашей
скромной посильной поддержке
и помощи и устойчивой
сотовой связи и почты России*

Преодолев этот временной отрезок он вернулся к нам мужчиной

Я попросила папу написать все немного честнее, написать больше не про нас, которые ждали, а про Валу, который молодец и которого мы любим, попросила папу сильнее похвалить сына, быть конкретнее, проще. Вторую, чистовую версию речи я не слышала до застолья.

– Неужели неделя осталась? – повторяла мама тихо, и ее лицо краснело, а губы сжимались.

Я пыталась поднять беседу повыше, улыбалась:

– Да уж, быстро время пролетело, да?

– Не скажи. Я все думала, думала тогда, когда только забрали. Первую неделю вообще не спала.

Однажды, за пару недель до дембеля, Валя позвонил папе, и (со слов папы) сказал ему, что стал теперь другим человеком, что разногласия все позади, все изменится, что он придет и все сядут вместе за стол...

Я не слышала того, что сказал папа после этих пересказанных слов.

Как можно сесть за общий стол семье, которой нет? Внутри меня что-то екнуло и зачестило – от соединения сильного «хочу», невероятно сильного «хочу» и леденящего «невозможно». Как собрать пазлы? Как сделать слова брата явью хотя бы на один день?

И я попала в дурдом Ахметьева вместе с Мишей.

Надо сказать, что обиды моих родителей не бесчувственны, не бесчеловечны. Иногда, во времена сильных, больших потрясений, они делают шаг в сторону, чтобы мы могли объединиться и пережить момент. Обычно для подобного были грустные поводы. Родители начинали разговаривать, по делу, совсем разучившись это делать, восстановив только тихие просьбы: «сходи», «купи», «найди», «позвони, закажи». Когда после повода проходило несколько дней и «раны затягивались», родители снова забывали все общие слова.

Хороший повод объединиться (настолько хороший), повод заговорить – не стать семьей, нет, просто обменяться бытовыми фразами на спокойной ноте, – выпал впервые. За долгое время впервые. И мне очень хотелось этого новогоднего чуда – семьи.

Я побеседовала с мамой, побеседовала с папой. Компромисс был найден: с папы – бутылка хорошей водки, бутылка минералки и какая-нибудь нарезка. Все удивительно мирно сошлись на этом, и началось ожидание.

Начался бег по магазинам со списком, в котором был стандартный набор (мандарины, все на «шубу», хлеб на бутерброды) и то, что было заказано из Питера (мне в сообщении Валя помечтал о крабовом салате, маме он намекнул на голубцы, папе сказал о фруктах).

– Он просто хочет домой, – стало нам всем очевидно, хочет домой и представляет дом во всем возможном обилии, во всех приятных ассоциациях.

Накануне прихода поезда мы поставили и нарядили елку. Новый год, Новый год настанет 20 декабря, в 17:20 (нет, от вокзала до нашей улицы Бархатовой примерно час, так что где-то в 19:00)!

Мама весь прошлый год жила у Вали в комнате (она храпит, и я, используя возможность выспаться, попросила ее временно переехать). Накануне его приезда (за неделю до) она постирала постель, сложила ее стопкой и спала просто на покрывале, так, словно готовилась подскокить и выбежать в прихожую в любой момент. Мне кажется, если бы у нее было куда уехать, она оставила бы вычищенную квартиру в полной готовности к встрече и уехала куда-то до нужного дня.

Она тоже была в стихотворении, но виду не подавала.

Спектакль Гришковца про собаку не отпускал меня: я несколько раз была вынуждена прервать запись, но мне не терпелось узнать, чем же закончилась служба Евгения, хотелось пережить с ним возвращение, подготовиться к тому, что случится в моем доме скоро. Ведь спектакль говорит такими близкими, понятными словами, что я верила – рассказ Гришковца и правда меня подготовит, эмоции будут похожими.

Я смогла дослушать спектакль вечером 17 декабря, времени на моральную подготовку у меня было мало. Я включила запись и вдруг обнаружила, что она сделана не до конца, у нее нет

финала. Это было странно... Символично, знаково, интересно... Но тогда я этого не понимала и обшарила весь интернет в поисках полной версии.

Нашла видеоспектакль 2016 года. Оказалось, что версий истории про собаку множество (разных лет), и в каждой из них в целом одна и та же история рассказывается совсем разными словами. В одной из версий спектакля так:

Я отчетливо помню свое последнее утро службы на флоте, я его так ждал, я его ждал так, как ничего никогда в жизни не ждал, и не дай бог, я не хочу, не хочу я, не дай бог, мне опять чего-нибудь так ждать, как я ждал того утра, я же его ждал, ни одной другой мысли не было, я зачеркивал дни в календариках (у меня же были календарики, я зачеркивал). Это было какое-то даже интимное наслаждение – дожидаться вечера и перед сном или перед вахтой ночной взять календарик, уединиться (что было трудно, на корабле уединиться) и в одиночку, только в одиночку, зачеркнуть день прослуженной безвозвратно жизни.

Я зачеркивал эти дни, один, другой, третий, неделя, другая, третья, месяц, другой, третий, год, другой, третий.

Я ждал этого утра, и я знал, чего я жду.

Я услышала это поздно вечером, зная, что в этот конкретный момент мой брат с другими такими же мальчиками делит прощальный торт (Валя прислал мне селфи на фоне белого крема и железованного киви), зная, что это самое желанное утро, последнее утро службы, наступит для моего брата завтра.

(Для него – завтра, а мы с Евгением уже все знаем. Или нам кажется, что мы что-то про Валью знаем. А знаем ли, мы не узнаем никогда.)

В инстаграме у Валиной девушки Лизы обнулился счетчик.

Бананы пожелтели и почернели: не дождались.

Груши тоже не дождались: обмякли, кожа на боках у них лопнула и засочилась мякоть, «каменные» груши скусилились и завяли.

А нам, всем родным, повезло.

В 9:07 по питерскому Валя прислал селфи – он в гражданском, а рядом парень в форме.

В 12:16 – прислал фотографию билета Санкт-Петербург – Омск на 014-е место десятого вагона (за 5894,9 рубля).

– Сухпай дали? – спросила я в соцсети.

А потом как-то сразу наступило двадцатое число.

Такого масштабного праздника я в нашем доме не помню.

Я никогда не перетирала такое количество стаканов и тарелок, никогда не тащила по подъезду от соседей столько стульев и табуреток.

Мама никогда не готовила в таких масштабах картошку с курицей и такое количество голубцов (от волнения и отсутствия опыта она то пекла их в духовке, то тушила в скороварке, и все равно «запоролась»).

Папа давно не проводил столько времени в зале – зал много лет был для него проходной комнатой.

Я поехала на вокзал на такси, единственный представитель семьи со здоровыми ногами, не трясущийся над картошкой.

Поезд № 14 подлетел к четвертому пути стремительно, мы – огромная любящая приехавшего толпа – бросились за нужным вагоном, потому что не могли допустить, чтобы Валя вышел к пустому перрону.

И не было вот этого: «Из вагона шагнул совсем другой человек, высокий и статный», нет, он был такого же роста и такой же родной. Да, он был в форме, и форма была единственной новой деталью. Для пушного впечатления Валя вышел из вагона без теплой куртки, только в

той, на которой были криво наклеены шевроны, а на спине виднелась надпись «Росгвардия», в тонких брюках и красном берете.

Да, форма была измята, но производила впечатление. А более всего впечатлял берет, даже не красный, а такого сложного цвета, взявшего что-то от вишни и от борща. Берет впечатлял потому, что прежде мы видели Валю во всем, кроме этого: в ушанке и балаклаве, в шлеме и кепке, но чтобы в берете, красной тарелке с черным кантом и значками, такого не было.

Валя был родной, а берет совсем непривычным, и вместе они были именно тем, кого мы ждали – родного, но изменившегося, повзрослевшего, высокого, статного.

Лиза и Валя обхватили друг друга. Я получила объятия третьей. Кто был вторым? Не запомнилось.

Домой ехали на двух машинах:

– Вы только без нас не входите!

– А вы без нас!

Мама обняла Валю с улыбкой, а папа заплакал.

Валя не плакал, и что именно он чувствовал, никто не знал. Гришковец позволил заглянуть в голову вернувшемуся со службы, да, но головы-то у всех разные, свои.

– Садись со мной, – пригласил папа Валю и буквально сразу взял слово, – имею сказать пару слов!

Я опустила глаза на тарелку с салатом, зажевала губу.

Папа начал очень тихо и быстро, на слове «любимого» посмотрел на Лизу:

*Сегодня светлый и радостный день
Мы встречаем сына, брата друга
любимого.*

*Провожая нашего призывника
Мы испытывали чувство тревоги
и настороженности
Ведь служба вдали от дома это
сложное испытание.*

*Но наш сын справился. Благодаря
серьезной физической подготовке.
Доброму, коммуникабельному
характеру, веселому нраву
открытой душе. Год службы
позади он останется в памяти
навсегда Дружья сослуживцы
командиры, нелегкие армейские будни не забыть
Мы поздравляем сынок тебя с возвращением домой
Добро пожаловать Ура*

И все захлопали. И до конца вечера не произошло ничего страшного: никто не рассорился, не заспорил до драки, не поранился, не обиделся.

Выпив водки, Валя раскраснелся (только по краям лба шли две белые полосы вверх), стал рассказывать смешное со службы, а папа мягко ругал его за маты.

– По-другому не расскажешь тут, – поясняли ему Валя и отец Лизы, дядя Коля.

Но папа все равно после каждого крепкого слова мотал головой, цыкал и играючи стучал Вале по макушке.

Было душно, сыто, спокойно – все уже случилось.

Утром я вышла на улицу с абсолютно непоколебимым ощущением первого января. Я прошла вдоль дома, прогулялась до магазина. С неба падали обрывки белой нежной бумаги, пахло свежестью, снегом, землей, влажной корой и как будто хвоей. Солнце висело на тополях. По светлым стволам и сугробам прыгали зайчики – пятна белого и желтого света. Где-то кричали невидимые дети.

И мне тоже хотелось кричать – звонко, легко, прерываясь смехом, подкидывать комья свежего снега. У меня все еще была семья. После праздничного вечера еще ничего не оборвалось, все было. У меня все было, было все и все были мои.

Когда на обратном пути я свернула в свой двор, мне навстречу вышел молодой парень в форме (она была какой-то такой, зеленого цвета, ни названия, ни звания для нее я не знаю), и кто-то позади меня, к кому этот парень шел, вдруг его увидел:

– Идет солдат по городу! – пропел звонкий мужской голос и зашелся смехом.

Я прошла во двор, а где-то позади меня случилась встреча двух молодых людей, с объятиями и похлопываниями (я слышала эти короткие, крепкие хлопки). А у меня в голове заело:

Идет солдат по городу, по незнакомой улице...

Я поднялась в подъезд, держа песню во рту. Тихо мыча ее, разулась, переоделась.

И от улыбок девичьих вся улица светла...

Зайдя на кухню и поставив чайник, я прибавила к мычанию притопывание правой ноги.

*Идет солдат по городу, по незнакомой улице,
И от улыбок де-е-евичьих вся у-ли-ца светла.
Не обижайтесь, девушки, но для солдата главное,
Чтобы его да-а-алекая, лю-би-мая ждала...*

Под шипение на плите чайника я промычала припев песни с самого начала, громче. И разрыдалась.

Алена Ракитина

Родилась в 1990 году в Москве. Окончила Московский государственный лингвистический университет, переводческий факультет (кафедра итальянского языка).

Куратор литературного направления в Арт-кластере «Таврида». Финалист литературной премии «Лицей» имени А.С. Пушкина (2017).

Пумакот

*Пумакот к тебе придет,
Он знает от подъезда код
И ночью выпьет весь компот.*

Когда В. и Т. были маленькими, я был необъятных размеров: мое песочное пузо заслоняло большую часть неба над городом, а каждая лапа могла раздавить по целому району. Скажем, Коньково или Хамовники спокойно могли исчезнуть в недрах моих теплых пушистых подушечек, если бы я захотел. Но я этого не хотел. У меня были дела поважнее. Во-первых,

я всегда и везде сопровождал В. и Т., следил, чтобы с ними все было в порядке. Во-вторых, несмотря на мои размеры и наружность свирепого хищника, я был добряк, каких еще поискать: В. и Т. нещадно мучили меня, а я все благодушно терпел, они выдергивали мои усы и использовали их как канаты, забирались ко мне в уши и терялись там на несколько часов, слушающая африканские сказки. В моем мехе они прятались, когда надо было ранним зимним утром вставать с постели и идти по холоду в школу и сад. Мы объездили и облазили с ними все парки и заповедники в радиусе тысячи километров от дома, охотились на ведьм и гигантских пауков, спасали Рождество и Новый год, смотрели на зубров, лис и рысей, ели глаза драконов для ночного зрения и мягкие зубы троллей для крепкого сна.

Как сейчас помню нашу первую встречу. Их папа, как-то укладывая В. и Т. спать, тихим, вкрадчивым голосом произнес: «Пумако́т к тебе придет, он знает от подъезда код и ночью выпьет весь компот». Они закрыли глаза. Я открыл глаза. Так мы, собственно, и познакомились. Той ночью я совершил первую в своей жизни вылазку к людям. Со мной никто не мог сравниться в хитрости и коварстве по части кражи фруктового компота из пятилитровых банок и десятилитровых кастрюль. Бесшумно осушив их за пару глотков, я принял свои исполинские размеры, которые сохранял многие годы. В. и Т. с папой исправно оставляли для меня все это время по ночам мое сладкое топливо, и я был для них бессменным верным другом в горе и радости, пока однажды что-то не разлучило нас.

Пробравшись ночью на кухню, я заметил, что компот уже не тот. Его становилось все меньше и меньше, пока в один день, точнее, ночь, его не заменил магазинный суррогат, а потом его сменил сок, а потом и вовсе ничего не стало. В. и Т. больше не забирались ко мне в уши послушать истории перед сном, они сидели, упершись взглядами в черные прямоугольные зеркала, которые загорались светом, стоило до них только дотронуться. Я почувствовал, как стремительно уменьшаюсь в размерах, каждую ночь я терял по несколько десятков километров длины и десятки килограммов веса, пока однажды не скукожился до размера брелока, который предок (так теперь называла папу В.) подарил ей на рождественской ярмарке. Она прикрепила меня вначале к рюкзаку, так я впервые увидел, как она затягивается первыми сигаретам под дешевое пиво на заднем школьном дворе. Потом мы съездили с ней в языковой лагерь на бесцветное море, где я видел ее первое море слез от первой, конечно же, несчастливой любви. Затем я перекочевал на спортивную сумку, которую она брала с собой на все сборы. Я увидел полмира, изрядно пообтерся и облез, но был счастлив: я был с В., она хотя бы изредка вспоминала обо мне и вертела в минуты задумчивости или принятия важных решений в руках. Я всегда советовал ей, как лучше поступить, но она уже не слышала меня. Я превратился для нее в безмолвный талисман, смутное напоминание о прошедшем детстве. Но я гордился В., она была одним из самых целеустремленных людей, которых я когда-либо знал.

Как-то уже солидный и важный Т. сказал В., что негоже такой видной взрослой девице таскать с собой такое «замызганное-не-пойми-что». И В. открепила меня. И кинула на дно какой-то старой сумки, а сумку зашвырнула в кладовку. Не знаю, сколько лет прошло с тех пор. Мне кажется, что прошли столетия. И вот однажды. Молния раскрылась, и я увидел лицо милой В. Она была уже совсем взрослой. Ее рука поколебалась с мгновение и достала меня, прикрепив к дорогой светской сумке. Мы отправились на какой-то полигон. Пока мы ехали, она отчаянно что-то шептала мне, но теперь уже я не мог расслышать ни слова, как ни пытался. Когда мы оказались с В. на месте, ее встретили люди с микрофонами и камерами. Она шла в высокой обуви, от которой сводит ноги, чинно улыбалась, и что-то рассказывала. Ее засыпали вопросами, на которые у нее не было ответов, как вдруг моя цепочка оторвалась и я упал на землю. «В.! В.! – беззвучно кричал я. – В., обернись! Я упал, В., не уходи, В.!» Но она не слышала. Она продолжала отвечать на вопросы, от которых ей становилось нечем дышать. В какой-то момент она провела рукой по тому месту, где должен был быть я, и, видно, почувствовав, что меня там нет, судорожно обернулась назад, но так и не увидела меня. И продол-

жила идти, не останавливаясь. Моя В. удалялась в рое жужжащих черных людей. В. уходила вперед. В. ушла. Все. Тишина. Никого. Она не вернется за мной. Да и кто бы вернулся за старым, сломанным брелоком. Ком. Ом.

Я лежу на холодных камнях на земле. Начинает моросить. Холодные камни злорадно посмеиваются надо мной и моими рассказами о том, что я всегда и везде сопровождал В. и Т., следил, чтобы с ними все было в порядке. Я всегда и везде... чтобы все было в порядке... В. и Т... никогда и нигде... больше не вернутся ко мне.

За две недели до Нового года зима, наконец, врывается на полигон белой порошей по замерзшей выцветшей траве.

«Вот, сейчас меня и заметет».

«Пумакот! – впервые за многие годы у меня прорезается слух. – Пумакот, вернись к хозяйке!» Она бежит по полю и отчаянно ищет меня взглядом среди тонкого слоя первого снега. Не видит. «Пумакот!» И словно ей снова шесть. «Пожалуйста!» Не видит. Не видно меня. «Я принесла тебе компот». Садится на корточки в своем взрослом пальто моя В., пачкает его в земле и открывает банку. «Ну пожалуйста! Вернись!» Сейчас расплатится от беспомощности, как в детстве.

Когда У. и Л. были маленькими, я был необъятных размеров: мое песочное пузо заслоняло большую часть неба над городом, а каждая лапа могла раздавить по целому району. Скажем, Арбат или Басманный спокойно могли исчезнуть в недрах моих теплых пушистых подушечек, если бы я захотел. Но я этого не хотел. У меня были дела поважнее. Во-первых, я всегда и везде сопровождал У. и Л. Как сейчас помню нашу первую встречу. Их мама В., как-то укладывая У. и Л. спать, тихим вкрадчивым голосом произнесла: «Пумакот к тебе придет, он знает от подъезда код и ночью выпьет весь компот». Они закрыли глаза. Я открыл глаза. Так мы, собственно, и познакомились.

Арсений Гончуков

Писатель, режиссер. Родился в Нижнем Новгороде в 1979 году. Окончил ННГУ по специальности «филология» и Школу кино при Высшей школе экономики. Обладатель более двадцати наград российских и мировых кинофестивалей. Автор двух книг, в том числе поэтического сборника «Отчаянное рождество» (2003). Призер конкурсов «Любимовка» и «Личное дело». Участник Семинара молодых писателей в Липках (2008).

Ситцев край

Застань Илью кто-нибудь за этим занятием, ему бы стало стыдно. Вот так, вслух, с почти бесстыжей откровенностью говорить с самим собой – это очень интимно. О привычке не знал никто. В детстве он вел беседы чаще, теперь только по праздникам. Этот Новый год особый, поговорить надо. Чтобы было настолько тяжело – он и не вспомнит.

– Ну привет, Илья, привет, привет, привет... – шептал, как заговорщик. – Ну как ты? Как ты там поживаешь, мой дорогой? Ну, рассказывай... Держишься? А? А? Только меня не обманывай, ладно?.. Начало было бессмысленное, наспигованное общими фразами, но затем быстро переходил к сути. Громко бормотал у окна, и слова текли сплошным потоком, похожим

на молитву. В особо трудные времена начинал напрямую обращаться к Богу. С ним говорил прямо и честно, как со старым школьным товарищем. Спрашивал, пенял, негодовал, просил. Что же мне делать, Господи? За что ты меня так? Как мне выпутаться из очередной ловушки?

Из коридора донеслись быстрые шаркающие шажки, щелкнул выключатель. Илья обернулся и затих. Он стоял у подсвеченного с улицы ночного окна в темной пустой кухне, в черной футболке и темносиних домашних трико.

Аня? Наверное, в туалет. Вдруг в дверном проеме свет мигнул, как под шторкой фотоаппарата, и у входа мелькнула тень. Илья задержал дыхание, и тут же ему под футболку нырнула теплая рука жены и торопливо обняла за грудь, а в шею уткнулись нос и горячие губы.

– Ы орo? – спросила она, и это значило: «Ты скоро?»

– Сейчас приду... Хочу просто... немного побыть...

Гладкая рука скользнула по его животу, и Аня так же быстро растворилась в темноте, а когда шаги в глубине квартиры стихли, она щелкнула выключателем и забрала из коридора свет. Из гостиной, дальней комнаты их просторной трешки, доносились голоса его отца, мамы и тещи. Беседовали, изредка позвякивая вилками и бокалами. Еще глубже, за ними, можно было различить бормотание телевизора.

Свет от уличного фонаря подсвечивал жесткое, осунувшееся, похожее на маску лицо Ильи. Он смотрел в темную глубину декабря, где голые ветви, растопырив пальцы и раскачиваясь, пытались нащупать в воздухе опору. Аня пока не знает, что он, то есть они, почти банкроты. Илья до последнего надеялся, что рассказывать ей не придется. Но завтра уже январь, и шансов, что 2020 год пощадит, почти не осталось.

Твердеющий от разваренной картошки оливье, подсохшая колбаска, прохладное кислое шампанское. Захмелевшие добродушные старики, румяная улыбчивая Аня, за ними вываливающийся из телевизора огромный Киркоров и его прилипший к нитке усов живой красный рот. Он поет, что ли? Илья усилием воли вернул себя за стол.

– ...И прийти с Сайгой в приемную... открыть стрельбу по дежурному... в профессиональный праздник!

Ну! Так нельзя! Нельзя! Недопустимо! – не унимался Павел Сергеевич, седобровый отец Ильи.

– Ты про нападение на здание ФСБ, что ли? Этого придурка? – спросил Илья.

– Ну! А я о чем перед тобой тут распинаюсь? – возмутился отец.

– А ля гер ком а ля гер, как говорится, – сказал Илья.

– Он как не здесь сегодня у тебя... – кивнула Ане Лидия Сергеевна, моложавая теща.

– Ох, ребят, хватит про политику! Паш, обнови-ка мне... чу-уть-чуть... ага, ага... хватит, хватит! – дернула вверх запенившийся бокал мама Ильи Алена Марковна.

– Ты вообще, что ли, ничего не ел? Я не заметила, – спросила Аня уже в спальне, повернувшись к нему спиной, чтобы помочь снять лифчик.

– Не, я ел... и пил тоже... Просто устал. Год, понимаешь ли, тяжелый выдался! – Илья невесело засмеялся.

Легли, обнялись, как начали засыпать – друг от друга откатились. Илья некоторое время лежал, смотрел в стену и с мыслью, что не заснет до утра, тут же соскользнул и провалился в безразмерную яму.

Утром проснулся от сдавленного смеха жены.

– Ой, прости... Разбудила? – Оторвалась от шоу «Что было дальше» в телефоне, погладила мужа по плечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.